

ВАРЛОРД ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делаacruz

Варлорд. Путеводная звезда. Том I

«Автор»

2022

Делакруз А.

Варлорд. Путеводная звезда. Том I / А. Делакруз — «Автор»,
2022 — (Варлорд)

Шестая книга саги о варлорде Артуре Волкове. Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

© Делакруз А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	46
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Делакруз

Варлорд. Путеводная звезда. Том I

Глава 1

На секунду отвлекшись от экрана ассистанта, я посмотрел на неожиданную гостью.

«Точно мне нужно это все прочитать?» – недвусмысленным взглядом поинтересовался я.

– Да, ваше благородие, – донельзя приятным и даже манящим голосом ответила на невысказанный вопрос собеседница. Всем видом показывая, что по мелочи беспокоить бы меня не стала.

«Хорошо», – молча кивнул я и вернулся вниманием к тексту статьи в поисках места, на котором остановился.

...столь подходящее именование применительно к команде Арктической гимназии имени Петра Пахтусова впервые использовали наши коллеги из *Kölnische Zeitung*.

Nordlicht

Nordlicht. Или, на других языках, *Aurora Borealis*, Северное Сияние, – именно так германские журналисты называли команду из Архангельска, после очередного блистательно выигранного ими матча. Сразу после статьи в кельнском еженедельнике многие издания поспешили отметить весьма символический момент: основу Северной флотилии государства Российского составляют фрегаты проекта 27770 типа «Аврора». Многоцелевые, так называемые глобальные, корабли. Знаменитые «убийцы авианосцев», или, по классификации военного блока Трансатлантического союза, «Equalizers», уравниатели. Весьма подходящее именование, не правда ли?

Потребовалось всего несколько дней, чтобы неофициальное, спонтанно возникшее название шумевшего коллектива быстро обрело популярность по всему миру, пристально наблюдающему за ходом отборочных соревнований национального турнира за приз принца Ольденбургского.

Зрителям посещенных северной командой городов не было нужды отправляться в знаменитые отели-купола Лифляндской губернии, чтобы полюбоваться загадочным и манящим природным явлением. Команда Аврора всегда привозила с собой Север и Северное сияние – в Семипалатинск, Красноярск, Красноводск, Глазьев, Брест, Фурукамаппу с Владимировой и Кёнигсберг, побывав в самых разных уголках Российской Конфедерации.

Отдельно стоит отметить, что команда Аврора не только подарила нам чудесное и притягательное зрелище, но также заставила вспомнить и переосмыслить некоторые понятия.

Sprezzatura

Спреццатура – общеупотребимый термин, известный нам из глубины веков, из написанного в 1528 году Бальдассаре Кастильоне трактата «О придворном». Спреццатура в общем понимании – это идеальное несовершенство, блистательный стиль, созданный без малейших на то усилий.

Итальянская ренессансная культура многое привнесла в наш мир, но жителям Апеннинского полуострова стоит признать – ученики давно превзошли учителей. Разве яркие красные носки Паоло Валентино, явившегося намеренно на интервью к российскому государю императору, – это спреццатура? Полноте, обычный китч, аляповатая небрежность. Да, весь мир обсуждал не ответы нашего государя, а красные носки интервьюера, но назвать подобное искусством, иконой стиля? Преступление против хорошего вкуса – вот самое мягкое определение.

Бальдассаре Кастильоне, граф Новеллары, пять веков назад первым заговорил об «искусстве замаскировать искусство». Именно так, ведь в оригинальном определении спрецца-тура – это способность скрывать сознательные усилия, вложенные в создание внешнего вида. И команда Аврора позволила нам почувствовать стойкую связь поколений. Словно проведя нас по пространственно-временному континууму, возвращая зрителей своими действиями прямо-таки к возрожденному шарму истоков Ренессанса.

Не побоюсь громких слов – за последние месяцы мы имели счастье наблюдать легкость стиля и элегантную небрежность силы. Вполне подходящие эпитеты, применимые к высококлассному выступлению, продемонстрированному нам командой Аврора...

– Господи, да сколько ж потоки, веки слипаются... – даже поморщился я, не выдержав и пролистав несколько страниц с видеофрагментами наших выступлений, сопровождаемыми детальными пояснениями восторгов автора статьи.

«Не читайте советских газет по утрам» – говорят умные люди. Заветам я следовал, прессу просматривая лишь по верхам тенденций и государственного заказа, и в подобный текст добровольно никогда бы не полез. Если бы не Лада, очень неожиданно появившаяся сегодняшним вечером на пороге моего номера.

Колумнистка Сатирикона так и возглавляла журналистский пул, следующий за нашей командой. Но виделся, и тем более разговаривал с ней, я очень редко. Очень редко еще даже до того момента, как Николаев отправил меня в удивительный учебный трип, едва несколько раз не убив интенсивностью нагрузок освоения стихии Огня. Впрочем, по словам полковника, я еще в самом начале пути, так что еще не вечер. И знаете, я ему верил.

Сейчас, учитывая неожиданное появление колумнистки Сатирикона, к ее просьбе ознакомиться со статьей, как раз в журнале Сатирикон, отнесся со всей серьезностью. Которая – вся испытываемая и настроенная мною серьезность, не помешала усмехнуться при виде следующего заголовка.

Автор статьи, видимо, специально взял курс на чужую речь, упомянув в начале текста кельнскую газету и слово Nordlicht, означающее Северное сияние. Явно для того, чтобы иметь возможность и дальше использовать немецкие выражения. Такие, как название последнего раздела статьи: *Es geht um die Wurst*.

Смысловой перевод этой часто употребляемой немцами фразы: «Поговорим о главном». Даже более близко к таким выражениям, как «сейчас или никогда» или «перейти Рубикон». Дословный же перевод звучал как «поговорим о сосиске».

Да, в Германии настолько уважительное отношение к сосиске, что ее упоминание в таком контексте вполне серьезно, без грамма веселья. Ну, что еще ждать от народа, который одинаково звучащее на самых распространенных языках Европы слово «сюрприз» произносит как «Überraschung».

Вот только у меня появилось стойкое подозрение, что намек на сосиску – все же завуалированная шпилька в сторону нашей команды. Промотав до конца статьи, посмотрел имя автора: Андрей Залманзон. Секундная заминка, но вспомнил – корреспондент канала Клуб «Марафон», ведущий программы «Спортивное обозрение».

Тот самый, которого я как-то пытался вывести из себя на пресс-конференции по итогам матча с командой Красноярской Мариинской гимназии. Получается, что, кроме деятельности на канале Клуб «Марафон», Залманзон по совместительству является и колумнистом московского Сатирикона.

Мне, в общем-то, все равно... было бы. Если бы Лада не пришла вечером с неожиданным визитом и этой статьей на оценку. Поэтому, вернувшись к сосискам, вернее к последнему разделу статьи, я продолжил чтение. Под заголовком «*Es geht um die Wurst*» была изложена

превью-информация о нашей грядущей встрече с Александровскими сиротами – курсантами московского Александровского училища.

Команда александровцев была сформирована из неодаренных курсантов (на два года старше нас) и экипирована так же, как и мы, в бронекостюмы Шевалье. В верхней сетке они заняли шестое место и полагались нам, как занявшим первое место в своей группе, в соперники стыкового матча за право участвовать в плей-офф.

Да, справедливости в общем понимании организаторы турнира не придерживались. Турнир за приз принца Ольденбургского изначально предполагал преимущества сильных. И если в привычном мне по прошлой жизни формате команде, занимавшей первое место, полагалась бы самая слабая из восьмерки другой, более высокой по рангу группы, то здесь дело обстояло совершенно наоборот. Нам, как самой сильной команде среди занявших первые три места, предполагалась самая сильная команда из занявших три последние места группы верхней сетки.

При дальнейшем чтении статьи, как ни старался, больше попыток автора вставить шпильку не обнаружил. Если, конечно, не считать весь приторный тон, превозносящий нашу команду настолько, что подобное в принципе уже можно счесть тонким и адресным троллингом. Для своих, так сказать. Для тех, кто понимает.

Кроме общих данных, написавший статью Залманзон в последнем разделе вновь очень уж явно подчеркнул наше предполагаемое превосходство. Подкрепляя звучными и яркими до слащавости эпитетами. Опять на немецком – называя меня *nordwolf*, северным волком, а остальных *nordritter*, северными рыцарями.

– Прочитал, – поднял я глаза от ассистанта, посмотрев на Ладу. Кивнув, колумнистка с кошачьей гибкостью поднялась и подошла ближе. Встав сбоку практически вплотную, она наклонилась и прислонила к экрану палец, разблокировав меню. Пролистав страницы браузера, девушка открыла другой текст. Выпрямившись, она заметила, что я смотрю на нее, а не на экран. Смущенно улыбнувшись, Лада взглядом показала мне на открытую статью и вернулась в кресло.

Буквально несколько секунд действий, но за это время у меня была возможность оценить декольте, представленное на уровне глаз, – более глубокое из-за расстегнутой верхней пуговицы, упругость мимолетно прислонившегося бедра, притягательность выверенной походки – деловая юбка на Ладе смотрелась просто замечательно.

Подобные, старые как мир приемы она использовала и во время нашей первой полноценной беседы. Простые, но действенные – грация девушки притягивает глаз, вызывая уже испытанные ранее приятное томление и мурашки по позвоночнику.

В прошлый раз мы общались в салоне бизнес-джета, когда я улетал от графа Безбородко после разговора в Киеве и мысли мои были заняты множеством самых важных вещей. Поэтому после прямого вопроса, когда Лада отговорила оправданием подобной агрессивной привлекательности врожденным женским шармом, тему я развивать не стал. Не до этого было. Сейчас же настроение получше, дамоклов меч – пусть и по-прежнему висит над головой, совсем близко не наблюдается. Почему бы и не вернуться к теме?

– Лада, вы удивительно красивая. Сюрприз, надеюсь, подобным признанием не делаю.

Собеседница в ответ лишь улыбнулась.

– Признаюсь честно: настолько очарован, что в вашем присутствии я немного теряюсь.

– Врожденный женский шарм, ваше благородие. Простите, ничего не могу с собой поделать, – неискренне расстроилась Лада, на миг скрестив руки на груди, но сразу же их отняв, словно раскрываясь.

«Так, может, переспим?» – едва не озвучил подготовленное еще во время первой беседы предложение. Но не сказал.

Смотрит девушка на меня сейчас так, что ясно-понятно – подобное предложение ее совершенно не обескуражит. Еще и согласится, что вполне вероятно. Оно мне надо сейчас? – скептически подумал я и погасил моментально напрашивающийся ответ, что почему бы и не да.

На то, чтобы справиться с возникшим желанием и вернуться мыслями к делу, потребовалось некоторое усилие – все же после полного слияния с памятью Олега, и с приобретением осколков его личности, некоторые приоритеты изменились. Поэтому, пока не предложил Ладе перевести знакомство в иную плоскость, сказал несколько другое.

– Лада, убедительная просьба. Сделайте чуть потише громкость врожденного шарма, а то мне сложно на заботе и работе сконцентрироваться, все мысли об одном «ас-сялям алейкум». Как понимаете, на концентрации это отражается не лучшим образом, – довольно жестко отсек я не слишком завуалированные предложения собеседницы.

Не дожидаясь реакции насторожившейся и даже испугавшейся возможных последствий колумнистки – осознавшей, что слишком перегнула палку, я опустил взгляд в ассистант, открывая вторую предложенную ей статью.

Арктический экспресс теряет скорость. Команда Аврора вообще сможет преодолеть отборочный раунд?

– Это желтая пресса, заметку необязательно читать полностью, можно лишь глянуть общий тон, – предупредительно сообщила Лада. Голос колумнистки подрагивал от волнения – похоже, немного переборщил с внушением.

Рекомендациям последовал, пробежавшись по страницам мельком и вычленив из текста буквально пару фраз:

...мы миновали экватор отборочного турнира, и главная интрига сейчас не команды – кандидаты на участие в матчах на выбывание, а вопрос – продолжится ли безоговорочное доминирование команды Аврора?

...посмотрите на Артура Волкова. Совершенно очевидно, что он экономно двигается, стараясь понапрасну не расходовать энергию. Это не спокойствие и меланхолия, а явно заметная утомленность...

...если присмотреться и проанализировать запись, то можно сделать безошибочный вывод – на лице Волкова уже в первый день матча читалась самая настоящая изможденность. И опасения подтвердились – на матч с командой Гурьева он не вышел.

...Впереди еще два матча отборочного этапа, и без убийственно эффективной связки Волкова и Медведева, после столь сложно одержанной победы над командой Гурьева, сможет ли команда Арктической школы не просто сохранить инерцию разбега, но и оказать достойное сопротивление оставшимся соперникам, не говоря уже о более высокой ступеньке отборочного раунда?

Закончив с простыней текста, глянул имя автора. Но даже после попытки вспомнить ничего не получилось. Не встречал.

– Анатолий Романов. Это имя должно мне что-то сказать?

– Нет, – сделала Лада пренебрежительный жест.

– Но обе статьи заказные?

– Именно так.

– Букмекеры?

– Все верно, – снова кивнула Лада.

Внешне она не показала, но хорошо почувствовал – удивлена, как быстро я догадался.

– И какова первопричина того, что я должен был именно сегодня и именно сейчас увидеть эти статьи?

Перегнувшись через стол, Лада забрала у меня ассистант. Верхняя пуговка ее блузки по-прежнему была расстегнута, так что вновь содержимое декольте сделало приятное глазу. Лада это заметила – едва не вздрогнула, чуть скованно выпрямилась и смущенно пожала плечами. Всем видом демонстрируя, что в этот раз она включает шарм неспециально, Лада показала мне на экране статью Романова.

– Это явная заказная статья в третьесортной газете с минимальным охватом. Опубликованная с целью даже не повысить коэффициенты противников и снизить потери букмекеров от ваших побед, а банально освоить бюджеты. Рутинка. Но вот это... – перелистнула страницы ассистанта Лада на первую статью.

– Залманзон за заказуху берет хорошие деньги. Очень хорошие деньги. И кроме этого, очень немногие, я бы даже сказала, считанные единицы, могут его купить.

– Почему? А, «КСП»? – моментально добавил я к своему вопросу и ответ, догадавшись, в чем дело.

– Именно, ваше благородие. Залманзон – официальный голос и неофициальный рупор «Императорского спортивного клуба Санкт-Петербурга». У него такие друзья и покровители, что со стороны несерьезных людей даже предварительное предложение ему написать заказную статью может им выйти сильно боком.

Хм, то есть я тогда на пресс-конференции приближенного к телу власти репортера оскорбил, получается, – хмыкнул я сам про себя.

– Почему ты думаешь, что это заказуха?

– Артур Сергеевич, – вежливо, но при этом весьма маняще улыбнулась Лада. – Я не думаю. Я уверена, потому что знаю. Только умоляю, не спрашивайте меня откуда, – хлопнула она ресницами.

«Почему не спрашивать?» – «Потому что я вряд ли смогу отказать... в любой вашей просьбе», – машинально смоделировал я возможное продолжение.

Господи, что у нее за интерес-то такой агрессивный? С другой стороны, что я теряю, если сейчас... так, хватит – оборвал я сам себя.

– И это значит... – отвлекаясь на рабочий лад, медленно проговорил я и после недолгой паузы закончил мысль: – Это значит, что некие влиятельные люди от букмекеров вышли на Залманзона, купив у него заказную статью для того, чтобы, как часть, допустим, большой кампании, выставить безоговорочными фаворитами нашу команду и приспустить на нас коэффициенты.

– Именно так, – кивнула посерьезневшая Лада. – И добавлю: в деле замешаны настолько серьезные деньги... и не только деньги, но и репутация, что появление подобной статьи – явный знак, что кто-то железно уверен в поражении нашей... простите, вашей команды, – очень мило и непосредственно сделала девушка вид, что случайно оговорилась.

Мда. Вот и завернул в столицу – подумал я машинально и тут же оборвал себя. В этом мире Москва все-таки не забирала у Санкт-Петербурга права и обязанности столичного града.

– Спасибо за информацию, – обернулся я к Ладе. – Как-то могу отблагодарить?

Колумнистка вздохнула так, что ткань блузки опасно натянулась – удерживая границы приличий лишь на одной маленькой пуговке.

– У меня есть к вам одна просьба. Прошу заранее простить за наглость...

– Заранее прощаю.

– Для меня было бы счастьем, если бы вы смогли взять меня с собой в свет сегодня вечером.

– Я никуда не собирался сегодня вечером, – глянул я на часы над камином.

Время половина десятого, какой выход в свет? Мне спать скоро пора. Пусть и сразу три дня отдыха возникли неожиданно-негаданно (если считать и свободный от поединков день представления команд), но режим-режим-режим.

– Ваше благородие, у меня немного другая информация, – виновато пожала плечами Лада. – По всей видимости, предложение, от которого сложно отказаться, вы еще не получали.

Только я собрался было спросить ее, что за предложение, как с улицы послышался громкий шум, взвизг автомобильной резины и звук удара – так бывает, когда машина урну сносит или о столб или поребрик тормозит. Буквально через несколько секунд на балкон, звучно ударившись о толстое стекло, прилетела бутылка. Вдова Клико – увидел я золотую этикетку.

«Мажоры гребаные», – только и произнес я, подходя и открывая балконную дверь.

Вторую прилетевшую бутылку поймал и даже чуть-чуть отхлебнул для вида – вызвав снизу бурю возгласов от компании, высыпавшей из желтого спортивного феррари, криво припаркованного прямо под окнами.

– Йо-охен! – зычно в вечерней тиши приветствовал меня выбравшийся последним из-за руля Манфред Штиль по прозвищу Йохен.

Глава 2

Вокруг криво припаркованного желтого феррари, поеживаясь по декабрьскому холодку, снизу вверх на меня смотрели четыре человека. Непробиваемо спокойный Йохен, традиционно занимающий роль водителя; как обычно, источающий позитив Барятинский; Таро Судзуки, с привычно стянутыми в хвост длинными пепельными волосами, и принц Леонид, наследник греческого престола.

– Артур, выходи! – закричал Леонид, и его крик сразу оказался подхвачен разноголосьем остальных.

Осуждающе покачав головой, я сделал еще небольшой глоток показавшегося необычайно вкусным шампанского и собрался бросить бутылку обратно. Но задержался – в арку, причем довольно аккуратно, словно подкрадываясь, въехала еще одна машина.

Тоже желтая и тоже феррари. И теперь уже сомнений не оставалось в том, что все это ж-ж-ж неспроста – слишком уж жирный намек на разбитый мной на улицах Петербурга спортивный автомобиль. И чтобы я уж точно не ошибся, только что заехавшая во двор машина ускорила и с сочным скрежетом въехала в зад уже припаркованного желтого близнеца, от которого со смехом прыгнула в сторону прибывшая раньше четверка.

Именно эти две разбитые ради шутки феррари я изредка вспоминал позже в иных обстоятельствах, как яркий маркер маяка верхнего, Первого мира. Который обычному человеку, обитателю протектората – такому, как Зоряна, Гекдениз или Завадская, кажется недоступным как поверхность Луны. Но это было потом. «Вот же нехорошие люди», – беззлобно ругнулся я сейчас, невольно широко улыбаясь.

Да, шутка явно удалась.

Но хорошее настроение моментально пропало, когда из второй машины выбрались остальные прибывшие. Валера и братья Борисы. При виде рыжих братьев-близнецов Дорошкевичей я всерьез напрягся.

Да, Борис и Борис с момента начала учебного года, даже еще до переезда из Елисаветграда в Архангельск постоянно рядом с нашей узкой компанией, когда-то сформированной в столовой гимназии вокруг Анастасии и меня. Более того – братья сознательно подписывались вместе с нами под возможным обвинением в преступлениях государственной важности. А еще именно они помогали мне пройти инициацию.

Да, они участвовали и в наших небольших праздниках – на день рождения Валеры, допустим, Дорошкевичи среди узкого круга присутствовали. Но все же так получается, что Валера общается с Борисами гораздо ближе, а я их вижу только в моменты весьма важных событий.

И сейчас чует мое сердце, явно неспроста Валера вызвал братьев сюда аж из Архангельска – у них, вообще-то, третий год обучения, стихийные экзамены на носу и... хотя, когда это кого останавливало?

Может быть, я слишком нервничаю, и Леня с компанией прибыли только для того, чтобы весело гульнуть. Бастиана только не видно – видимо, в Москву ему из-за фамилии сложнее приехать, чем в Хургаду. И это плохо – Валленштайн все же из тех, кто до последнего слушает голос разума, а не вот это вот все – еще раз покачал я головой осуждающе в ответ на выкрики снизу. И выкинул бутылку. Не с размахом силы, чтобы гарантированно попасть и выбить, но целился именно в лобовое стекло.

И попал бы, если бы не Барятинский – он вовремя сделал идеально выверенное и необычайно пластичное движение руками, формируя небольшой водяной смерч. Который бутылку и подхватил в считанных сантиметрах от лобового стекла, удерживая в воздухе. Почти сразу я бросил вторую, подобранную на балконе, – ту самую, что прилетела в стекло в самом начале, отвлекая от беседы с Ладой.

Барятинский и следующую бутылку поймал небольшим водяным смерчем, который создал и контролировал второй рукой. Почти сразу Борис (не Бóрис, я уже различаю) сформировал свой смерч. Только огненный, встраивающийся в первый вращающийся в воздухе водоворот от Барятинского, а вот уже Бóрис поддержал брата и создал второй.

Миг завораживающей красоты, и пара переплетенных смерчей противоположных стихий слились, а после взорвались высокими – метра на четыре, фейерверками из огня и превратившейся в пар воды. Зрелище походило на якутский салют – когда в сорокаградусный мороз в воздух выплескивается кружка мгновенно превращающегося в пар и ледяную взвесь кипятка. Только здесь и сейчас все произошло более ярко – словно якутский салют создали на фоне закатного солнца.

Несмотря на «респектабельность» прибывшей компании, уходить с ними в ночь желания никакого не было. Даже несмотря на неожиданно появившееся свободное время и буквально второй за месяц выходной. Первый, кстати, случился тогда, когда во время вечерней тренировки я потерял сознание и не приходил в себя больше двух часов – как оказалось, пришел в себя лишь с помощью Ольги, настолько был истощен.

Николаев в тот день мою немощь прокомментировал язвительно хлестко, но все же сообщил, что это, в общем-то, было ожидаемо. И дал выходной отлежаться, во время которого со мной поработала Ольга, вернув утраченный жизненный тонус.

Тем неожиданнее было узнать, что с сегодняшнего дня – в Москву мы прибыли заранее, я свободен от тренировок до конца понедельника. Ошарашенный неожиданной свободой, сегодня весь день спал, отъедался и гулял по центру Москвы – такому знакомому и незнакомому одновременно.

Сейчас, крикнув собравшейся внизу компании не шуметь и подождать, вернулся в комнату. И, глянув на Ладу, с четко ощущаемым трепетом ожидающую моего ответа, только руками развел, показывая, что весьма удивлен ее осведомленностью.

– Там мужская компания, – покачал головой я, намекая на невозможность ее участия в мероприятии. – Это раз. И два – думаю, я вряд ли приму участие в вечеринке. Но должок за мной, запомнил. А Ланнистеры, как известно, всегда отдают долги.

Лада ни комментировать, ни тем более спорить не стала. Грациозно поднявшись, так что я смог оценить и глубину декольте, и ее кошачью пластику, девушка протянула мне визитку. Вернее, не просто визитку, а так называемый контакт – ее высокотехнологичный аналог.

Симбиоз собственно визитки и, наверное, пейджера. Тонкая одноразовая карточка – причем быстроразлагающаяся, которую можно просто приложить к ассистанту, занося в память данные владельца визитки. Или же, не занимая память собственного девайса, только лишь с помощью этой тонкой карточки отправить сообщение адресату о встрече.

– Ну а вдруг? – улыбнулась Лада и, больше меня не задерживая, вышла из кабинета. Давая возможность оценить и манящую походку, и крутые бедра.

Вот уж действительно врожденный шарм, может я и ошибся в оценке ее манящей агрессивности. Ведь хорошо почувствовал, как она испугалась, когда я прозрачно намекнул на раздражение от ее дразнящей сексуальности. Либо девушка настолько естественна, либо просто любит... ну, допустим, риск – опередил я скабрезный комментарий от внутреннего голоса.

Крики снизу между тем уже раздавались все громче. Поэтому я не стал тратить время на традиционные способы – это же надо выйти через дверь, спуститься по лестнице, миновать холл и еще сотню метров пройти от главного входа по тротуару. Только Иру предупредил, а после вышел на балкон и через секунду оказался рядом с приехавшей на двух машинах компанией.

Гомон стал громче, меня захлопали по плечам и спине, приветствуя.

Я же в этот момент собрался дипломатично сообщить, что рад видеть столь доблестных донов, но могу уделить всего минуту и благословить всех на дальнейшие великие и достойные

сказаний свершения, но без меня. И даже открыл было рот, как вдруг столкнулся с необычайно холодным взглядом наследника греческого престола. По-деловому холодным взглядом.

Леонид, словно чувствуя, о чем я собираюсь сообщить, едва заметно покачал головой. Явно показывая, что говорить этого мне не стоит. И когда я чуть приподнял вопросительно левую бровь, он сделал своеобразное движение глазами, словно бы показывая, что надо отойти поговорить. И сразу же – пары мгновений нашего обмена взглядами не прошло, Леонид вернулся в образ гуляющего бонвивана, принял у Барятинского бутылку с шампанским, щедро отхлебнул и направился в машину.

– Эй, ямщик, гони-ка к Яру! – крикнул он Йохену, явно процитировав строки из песни. Причем известной мне песни.

– К Яру? – скривился Валера. – Это там, где все дорого и удивительно долго?

– Может, в Стрельну? – предложил Судзуки.

– Или Мавританию? – экспрессивно всплеснул руками Барятинский, одним жестом показав и африканские пампасы, и даже – по-моему, намек на широкие бедра африканок. Или это у меня так остаточное после приемов Лады проявляется?

– Артур? – обернулся ко мне Леонид.

– Что Артур?

– Куда едем?

– В Стрельну, – сделал я выбор.

Вернее, сразу два выбора. Первый состоял в том, что ехать с Леонидом нужно – наследник одного из европейских престолов продемонстрированное недавно лицедейство просто так устраивать не будет.

«Люди, которые утверждают, что пить надо меньше, и люди, утверждающие, что пить можно больше, сходятся в одном. Пить надо».

Ресторан, кстати, выбрал не потому, что, как и Валера, знал озвученные заведения – все названия вообще впервые слышал. Просто Стрельна звучит лучше, чем Мавритания, да и в Питере своя Стрельна есть – поселок в пригороде рядом с Петергофом, я там жил неподалеку. Интересно посмотреть и на московскую Стрельну.

Возвращаться в номер и переодеваться мне не было нужды – для встречи с Ладой и так облачился в полуофициальный костюм. Пусть без галстука, но пиджак на мне черный с серыми вставками и гербом барона Волкова – в таком я хоть без штанов могу в любой ресторан зайти, было бы желание. Штаны, впрочем, на мне были. Как и пиджак, с терморегулировкой, так что в куртке не было нужды. В ушах только стылый декабрьский ветер посвистывал, да в лицо колкий снежок периодически залетал, что некомфортно. Но нам же в ресторацию не пешком идти по темному лесу за двенадцать верст.

Прежде чем сесть в машину, достал из кармана переданную Ладой визитку и ассистант. Визитку сразу прижал к его задней стенке, накрыв ладонью. Тонкая полоска почти сразу же перемигнулась красным и перестала существовать, оставшись функцией быстрого вызова в списке контактов. Который я уже открыл, вызывая, правда, совсем не Ладу.

– Moscow never sleeps, – напел при этом совсем негромко, ожидая ответа на вызов.

Запоминающийся мотив, появившийся в виде песни группы Cappella в девяностых и который после сделал знаменитым на всю Россию ремиксом DJ Smash. И под этот трек мы должны послезавтра выходить на площадку во время приветственной процедуры. А завтра рано утром я должен встретиться с Василием Михайловым и его коллективом, которые искали вокалистку для берущего за душу «...Люблю тебя, Москва». И именно мне, по просьбе Михайлова, предстояло рекомендовать или даже утвердить окончательную кандидатуру вокалистки на финальном прослушивании.

– Артур Сергеевич? – оперативно откликнулся на вызов музыкант.

– Василий, приветствую. Дела навалились, так что выбирайте завтра без меня.

– Понял, сделаем.

Ну и отлично, раз сделают – отключился я, садясь в машину к навалившимся делам. Или телам, как смотреть – машины спортивные, двухдверные, так что на тесный задний ряд сидений приходится протискиваться. И моя заминка в тему пришлась, потому что не пришлось лезть назад через разложенные сиденья.

Едва захлопнул дверь, как взвизгнула резина, замелькал на проекции лобового стекла красный аварийный отсвет игнорируемых рекомендаций автопилота, заскрипели по брусчатке сбитые бампера. Мы поехали.

И едва выехали за территорию гостиницы, как позади пристроилась перемигивающаяся синими проблесковыми маячками полицейская карета. В зеркало я рассмотрел широкий радиатор и агрессивный отбойник автомобиля правоохранителей – точь-в-точь как в Питере машина, случайно из-за меня в реку прыгнувшая. Только раскраска другая, все же полицейский департамент Москвы, а не Санкт-Петербурга.

Но перехватывать и задерживать нас полицейские явно не собирались, просто сопровождая, так что я вернулся вниманием к городскому пейзажу, выискивая знакомые черты в этом незнакомом городе.

Уже через четверть часа, двигаясь на частично разбитых машинах, мы – судя по комментариям Валеры и находящихся на громкой связи членов экипажа соседнего болида, были близко к цели. Но куда именно ехали, в какой район города, представлял весьма смутно.

Пейзаж за окном вообще не узнавал – лишь отдаленно что-то, редкими штрихами. Вскоре обратил внимание на табличку с адресом – Петербургский проспект. Ленинградка? Ну да, наверняка. Только совершенно мне незнакомая – полос не сто в разные стороны, и дорога совершенно спокойная. Без толкучки безумного трафика, тоннелей, дублеров и перехлестнутых через улицы виадуков развязок.

Только увидев Петровский путевой дворец – неоготическое красное здание с белой каймой балюстрад и арок стрельчатых окон, окончательно понял, где именно нахожусь. В Петровском парке – вот только ни метро Динамо, ни одноименного стадиона не видно. Как и привычных многоэтажек по сторонам – здесь парк гораздо больше площадью, чем я его запомнил, раскинулся далеко по сторонам шоссе.

Впрочем, неудивительно – Петровский дворец до революции являлся императорской резиденцией, вспомнил я. Резиденцией здесь он и остался, и, видимо, этот район тоже не видоизменялся, являясь по-прежнему элитным дачным поселком. Уже, правда, элитным дачным оазисом в черте разросшегося города.

Ресторан Стрельна находился совсем рядом с Петровским дворцом, в одном из переулков. Когда мы подъехали прямо ко входу, со скрежетом бамперов по поребрику (простите, бордюру), патрульная машина остановилась рядом. Полицейские оказались на улице сразу, но подходить не спешили. Сильного беспокойства они не показывали, но были по виду насторожены, ожидая самого разного развития событий.

– Господа офицеры, прошу буквально минуту! – крикнул им Леонид, выбираясь из машины. – Кто пойдет решать возникшие к нам вопросы? – обратился он уже к остальным.

Что за вопросы, и так понятно – поездка с нарушением техрегламентов, отключение автопилота, умышленно допущенные столкновения, агрессивный стиль вождения и показательное неуважение к авторитету городского бургомистра (отдельной статьей, наверняка самой затратной) штрафов насобирали прилично.

– Кто придумал столь острый заграничный юмор, тот пусть и идет, – превентивно предложил я в качестве мести за удавшуюся шутку с желтыми феррари.

Леонид мое решение поддержал, и разбираться с последствиями остались весело перемигивающиеся Валера, Барятинский и – неожиданно, Судзуки. Вот от него никак не ожидал.

Пока авторы шутики разбирались с зоной ответственности, мы отправились вверх по ступеням крыльца классического русского терема, предваряющего расположившиеся далее огромные и прозрачные купола ресторана. Уже заходя внутрь через широкие двери, я заметил, что оставшаяся троица поочередно играет в «камень, ножницы, бумага». И судя по тому, что вскоре нас догнали Барятинский с Судзуки, разбираться с полицейскими остался Валера. Не повезло. Ему, а мне как раз нормально.

Следуя за метрдотелем, мы большой компанией миновали просторный, чудесно пахнувший деревом зал встречи гостей. Едва прошли дальше, выходя под замеченные мною ранее купола, оказались в самом настоящем филиале тропиков. Здесь был устроен роскошный зимний сад: многочисленные пальмы, метров шести-восьми в высоту, подпирали прозрачные своды. По сторонам виднелись самые настоящие скальные гроты, журчала вода ручьев и водопадов, в огромных аквариумах плавала самая разная рыба.

На Москву уже давно опустилась темнота ранней зимней ночи. Но на верхушках пальм и на скалах гротов были установлены многочисленные светильники, а в помещении шумно, влажно и тепло. И все это в комплексе создавало впечатление южной ночи морского побережья тропиков – на второй линии пляжа Таиланда, к примеру.

Хотя нет, не Таиланд. Азиатских лиц в обслуживании нет совсем, только если среди посетителей – вижу довольно много японцев. Не Таиланд, а, наверное, Латинская Америка, Бразилия даже – потому что со всех сторон, ненавязчиво громко, но слышно играла ритмичная музыка. Кроме того, из обслуживающего персонала вокруг сновали не только официанты в белых рубашках и с блестящими хромом подносами, но и стайки фривольно одетых фигуристых дев. Как одиночки, так и целые ансамбли песни и пляски, готовые скрасить досуг компаниям гостей. И песней, и пляской, а может быть, не только – с интересом проводил я девушку с бронзовой кожей и в смелом ярком костюме в духе бразильского карнавала.

Пока Леонид и остальные двинулись «прямо и верно», видимо к привычным, ранее занимаемым столам, я чуть задержался. Наблюдал за тем, как по жесту одного из гостей официант сачком выловил осетра, а прибежавший с кухни помощник повара быстро и умело вырезал у рыбы из жаберной крышки небольшую фигурную пластинку.

Я сразу догадался, что это часть проверки – когда осетр вернется на подносе из кухни, можно убедиться в отсутствии обмана, приложив оставленную официантом фигурную пластинку, собирая пазл. Думаю, вряд ли в заведении подобного уровня могут развлекаться заменой свежей рыбы на мороженую, так что подобное представление, вероятно, просто дань традиции – решил я.

Еще раз осмотревшись с интересом, ускорил шаг, догоняя ушедшую вперед компанию. Шел по усыпанным песком дорожкам, петляя между кустами, яркими клумбами и пальмами. Людей вокруг немало – за многочисленными столиками под пальмами сидели посетители, сновали вокруг официанты. Но площадь ресторана настолько огромна, что, думаю, под сводами прозрачного купола тысячу человек собери, тесно не будет. Людей много, а толкучки не чувствуется. Отлично.

В предположении, что Леонид с компанией двигался «прямо и верно» к покинутым ранее местам, я не ошибся. На огороженной зеленью поляне, за несколькими аккуратно сдвинутыми столами, нас уже ожидали. И при виде стайки девушек полусвета, которые являлись частью компании, я понял, откуда у Лады появилась информация о предстоящей встрече.

Светская жизнь – она такая, что тайное быстро становится явным, и свою встречу со мной колумнистка наверняка подгадала ко времени. Но информация от нее стоит благодарности, так что, бросив на спинку стула пиджак, я достал из кармана ассистант. При этом обратил внимание, что место мое прямо под пальмой с антикварного вида табличкой «Дар М.А. Хлудова».

«Ресторан Стрельна» – отправил я Ладе сообщение. И вовремя ассистант убрал, потому что меня начали знакомить с присутствующими дамами.

И – неприятный сюрприз моей догадливости, девушки за столом оказались именно дамами, а не, как я вначале подумал, случайными спутницами для забавы и компании. Оказалось девушек сразу двенадцать, причем большинство с титулами. И по тону бесед я понял, что это именно старая, знающая друг друга компания, в которой проводят время Леонид и сотоварищи, когда ситуация не объединяет лишь мужское общество игрой в покер или иными подходящими мероприятиями.

Кстати, в их компании явно заметен традиционный гендерный перекося мира одаренных. Собравшаяся компания действительно старая и спаянная, я не ошибся. Но в ней сразу двенадцать девушек, а вот парней – если исключить ситуативно влившихся в общество Валеру, Борисов и меня, в три раза меньше. И еще, кстати, – прекрасную Ядвигу, в обществе которой Леонид был на вечеринке клуба Ядовитый плющ, я здесь не заметил.

Мое знакомство с дамами проходило не в очередности, а немного спонтанно – вернувшись к столу мужская часть компании снова влилась в ритм посиделок. Заметно было, что сидят они здесь уже довольно давно, как бы и не с обеда. Так что в процессе разговоров практически со всеми познакомился и пообщался, также приобщаясь к общему ритму.

Во время показательно неофициальных (и в то же время донельзя официальных) представлений и знакомств обратил внимание, что некоторые девушки, европейки в основном, судя по стати, врожденной властности и ауре, не уступают в происхождении и силе Судзуки и Барятинскому, если даже не Валере. Поэтому только выдохнул незаметно, радуясь, что не попал в неудобную ситуацию – очень вовремя заметив, что вышел в свет, а не полусвет.

– Артур?

Обернувшись, увидел, что ко мне со спины подошел Леонид. Под руку с необычайно, вернее, даже необычно и невероятно красивой девушкой. Казалась она самой настоящей гостьей из будущего – будучи похожа на очеловеченных героинь аниме. И глаза огромные, почти как у Наденьки.

Вот только Надежда красива настолько, что ее хочется обнять, приласкать и погладить, а спутница Леонида казалась полной ее противоположностью. Гостья она из светлого будущего, но озаренного явно холодным светом идеального совершенства. Как говорится, бойтесь своих желаний.

Кроме того, меня привлек ее взгляд – давным-давно я не видел в высшем обществе людей с глазными имплантами. Вернее, людей с глазными имплантами в высшем обществе я вообще ни разу не видел.

– Маша Легран, – представилась девушка. Сама.

И чуть погодя я понял, почему именно она представилась, а не Леонид это сделал. Как только Маша произнесла свое имя, она сделала едва заметное глазу движение, словно собираясь протянуть руку для полагающегося поцелуя. Но не протянула.

С нормами этикета этого мира, на стыке правил поведения общества владеющих аристократов и корпоративных технократов, все было очень непросто. Вернее, все очень просто. В эмансипированной среде допускалось и даже рекомендовалось рукопожатие, в традиционной аристократической – только поцелуй. На стыке же, в общении представителей разных сословий, тайных смыслов и противоречий могло возникнуть столько, что можно и локальную войну начать под шумок мнимых или действительных обид.

Именно поэтому Маша и сама представилась, и осталась внешне неподвижной. Чтобы не ставить и себя, и меня, и Леонида в неловкое положение, если я вдруг откажусь принимать или выбирать тон общения из предложенных. Но отказываться я не собирался – поэтому первым потянулся, протягивая руку. Маша протянула свою в ответ, и, чуть сжав ее ладонь, я склонился, едва коснувшись губами холодных пальцев. Наплевав с высокой колокольни на нормы технократов, оставаясь верным старым традициям.

Кажется, что именно этот мой жест помог сбросить буквально повисшее в воздухе напряжение. Интересно, с чего бы?

– Очень много о вас слышала, рада наконец познакомиться, – когда наши взгляды встретились, произнесла Маша. Голос у нее неожиданно (после холода идеального совершенства внешности) оказался удивительно живой и приятный. А чудесный французский акцент лишь придавал звучанию дополнительной элегантности.

Я не только заслушался, но и засмотрелся. Импланты в ее глазах были непривычной расцветки. Обычно глазной имплант внешне похож на человеческий глаз – белый белок, цветная радужка и зрачок. И выделяется искусственный глаз только необычно ярким или неестественным цветом радужки и четкими прямыми линиями в ней.

У Маши же глазные импланты оказались иными – белок небесно-голубого, льдистого цвета, а радужка белая с синим вертикальным зрачком. Вертикальный зрачок, кстати, не просто так – вместе с ним рисунок радужки повторяет известную в этом мире эмблему.

И я знаю, чьи это цвета и знак. «Legrand». Французская компания, из которой вырос холдинг СМТ, ставший после транснациональной корпорацией. И ведь именно в основной, бело-черно-красной раскраске корпорации СМТ прилетели конвертопланы на виллу FV32, ворота которой «ошибочно» выбил пьяный Йохен в поиске прекрасной дамы, якобы очаровавшей Барятинского.

Последовавшие для нас с Валерой события – разговор с Марьяной и визит в небоскреб Некромикона, как-то замылили в воспоминаниях тот факт, что Леонид и компания подружись и загуляли с прибывшими на место владельцами случайно пострадавшей виллы.

И то, что сейчас наследный принц явился на вечеринку под руку с... ну да – освежил я воспоминания, с наследницей одной из влиятельнейших мировых корпораций, – это действительно событие мирового масштаба. Если, конечно, у них раньше совместных выходов в свет не случалось. И наверняка не случалось же – даже в режиме полного погружения в огненную бездну учения от Николаева я бы об этом знал. Уж Валера бы сообщил – пусть я и овощ внешне больше напоминал последний месяц в оторванное от тренировок время, осмысленный разговор на совместных с командой обедах поддерживал, заряда хватало.

Поэтому – понимая, что именно сейчас происходит у меня на глазах, вместо полагающихся к светской беседе фраз сразу перешел к неотложному:

– Мне недавно оказали определенную услугу, колумнистка модного московского журнала. И в знак благодарности я пригласил ее поучаствовать в сегодняшнем вечере вместе с нами. Отозвать приглашение? – с ходу, даже не размениваясь на предыстории, поинтересовался я.

Леонид с Машей переглянулись и после обмена взглядами обернулись ко мне одновременно.

– Наоборот, думаю, ее присутствие будет очень даже кстати, – произнес Леонид.

Оу. Дело-то реально серьезное – они, по-моему, с полувзгляда друг у друга понимают безо всякой ментальной связи.

Маша явно хотела что-то мне сказать, но тут подошел Валера. Возросший гомон голосов, сопровождающий появление у столов персидского принца, отвлек девушку, и мы подошли ближе. Как раз услышать рассказ Валеры о методах решения проблем с законами.

– ...и после моего предложения господина жандармы приняли решение принять в дар автомобили и самостоятельно решить вопрос с вызовом эвакуатора и оплатой начисленных штрафов.

– То есть ты просто подарил им две машины? – не удержался я от констатации факта подобного кощунства.

– Я знал! – показал Валера пальцем в темное, за куполом, небо.

– Что ты знал?

- Что ты одарен сообразительностью.
- А... а-ах, это. Ну, я тоже знал.
- Что ты знал?
- Что ты альтернативно одарен.

В подобном ключе беседа и продолжилась. Кстати, нравы Валеры в этом поступке за рамки не выходили, я по привычке с ним пикировался. Принц в тратах отличался бережливостью и деньги на ветер, как я заметил, никогда не бросал, всегда считая. А то, что произошло сейчас, просто проходило по статье заранее утвержденных расходов – оплачивая необходимый для поддержания реноме шик. Без него в этом обществе никак не проживешь, просто не поймут.

Вскоре в ресторане появилась Лада. В очень строгом, но в то же время жгучем и притягивающем взгляд платье. Чтобы не отвлекаться на ненужные мысли, я представил ее явно ожидающей колумнистку Маше. Немного волновался за возможное недопонимание, но Лада очень легко влилась в компанию присутствующей молодежи. Несмотря и на род деятельности, и на более зрелый возраст. Да, выглядит она молодо и эффектно, но ей за тридцать точно. Хотя шарма это никак не убавляет, даже наоборот.

Борисы в незнакомую ранее компанию тоже легко вписались. Что, впрочем, неудивительно, при таком-то демографическом перекосе девушек – вниманием братья Дорошкевичи оказались не обделены.

В ходе дальнейшего,двигающегося по привычным рельсам вечера я узнал историю таблички «Дар М.А. Хлудова» у пальмы, под которой сидел. Оказалось, что господин Хлудов не был добровольным меценатом. Житель девятнадцатого века, купец по основному призванию, Хлудов по случаю собрал наемный отряд и участвовал в войне на Балканах. Вот прямо варлорд настоящий – хмыкнул я во время рассказываемой истории. Когда означенный Хлудов триумфально вернулся в Москву со щитом, во время одной из пьянок он так разошелся в рассказах о своих подвигах, что порубил саблей несколько пальм здесь, в этом самом ресторане. Которые – пальмы, после и восстанавливал, привезя деревья из своего сочинского имения.

Случай, кстати, вполне для этого места ординарный – как оказалось, ресторан Стрельна дух широкого отдыха за минувший век не только сохранил, но и преумножил. В последующие несколько часов ни одной пальмы не пострадало, но случались не менее занимательные события. Как, к примеру, купание красивых дев (и из бразильских дам obsługi, и из числа гостей) в одном из аквариумов – из которого убрали рыбу и воду, наполнив шампанским.

Официанты организовывали действо, заказанное расположившейся поодаль от нас компанией, довольно споро. Из чего я сделал вывод, что происходящее так же вполне традиционно, как и вырезание пазла из жаберной крышки осетра.

Зато прокат на медведе многочисленных посетителей поразил. Его исполнила одна из одаренных девушек уже от нашего стола, которую уговаривали долгими и продолжительными хлопками и «просим-просим». Дева была одарена владением природной стихией, так что огромный мишка подчинился ей безропотно. И даже, по-моему, весьма в охотку. Сеанс медвежьей кавалерии удался, но на бис его повторить одаренная девушка категорично отказалась, несмотря на рвущие воздух овации всего ресторана.

Я за все это время в веселье участвовал постольку-поскольку. Все ждал, когда же Леонид наконец вернется к той теме, что послужила поводом, чтобы меня позвать на вечеринку. Неужто этот повод заключается только в том, чтобы я познакомился с наследной принцессой транснациональной корпорации?

Да, пусть событие в мировом масштабе ярчайшее, но мне – с учетом личных проблем, не сказать что...

- Артур?
- А? – отвлекся я от мыслей.

– Говорят, что у тебя есть чувство слова, – произнесла Маша. – А есть ли у тебя чувство цвета, могу я рассчитывать на тебя как на независимого арбитра?

– Талантливый человек талантлив во всем, – демонстрируя нежелание, но все же и необходимость поддаться и признать очевидное, произнес я.

Улыбнувшись в ответ, Маша активировала небольшой проектор, и над столом возникло изображение щита с гербом в черно-красных цветах.

– Это предполагаемая эмблема частной военной компании, – пояснила девушка. – Как тебе?

Черный край щита, белая окантовка красного поля и черный угловатый квадрат, немного похожий на сдержанный логотип Ростеха в моем мире. Технологично – вычленил я ощущение. Ну да, СМТ занимается, в частности, высокотехнологичными военными подрядами. К созданию бронекостюма Шевалье, в котором мы принимаем участие в турнире, компания корпоративной принцессы также руку приложила. Это так, к слову.

– И... твоё мнение? – после повисшей паузы поинтересовалась Маша.

– Дислокация ЧВК? Африка? – вспомнил я расширяющиеся сферы влияния корпорации СМТ. Знания, усвоенные на политинформации в гимназии, кстати.

– Именно, – кивнула Маша.

А вот, кстати. Зона влияния корпорации СМТ, расширяемая сейчас, находится на юге Африки. Как раз горячая точка преткновения последняя, судя по сводкам, с англо-немецким конгломератом, заправляющим протекторатом Танганьика. Тем самым протекторатом, в котором пробовал запрещенные развлечения Горбунов, о чем мне недавно и рассказал сам перед преждевременной кончиной.

Совпадение? Да вряд ли, но запомнить на всякий случай стоит. И вернуться к оценке – я ведь вроде как за независимого арбитра выступаю. Еще раз взглядевшись в логотип, прислушался к ощущениям. Накладывая их при этом на воспоминания Олега о жизни в стерильном технофашизме Волынского протектората.

– Мне кажется, не подходит, – покачал я головой, озвучивая вывод.

– Почему? – живо поинтересовалась Маша.

Перед ответом я сделал паузу, под неожиданно многочисленными вопросительными взглядами. Да, вопрос геральдики оказался присутствующим неожиданно интересен. Поэтому, собравшись с мыслями, я объяснил развернуто.

– С одной стороны, в эмблеме преобладание черного и красного. Для ЧВК – подходящее сочетание цветов. Вон, посмотрите, – показал я на водоем у грота поодаль, у которого за столбами расположились гренадеры Екатеринославского полка, в черных мундирах с красными погонами и своими знаменитыми красными портупьями.

– Что есть война, в первую очередь? Для рядового участника? Правильно, если вычленить главное, это кровь. Черный и красный цвета – это про нее. Если плеснуть кровью на любой рисунок, то темные и яркие цвета превращаются в черный, светлые и блеклые в красный. Черный и красный – истинные цвета войны.

Итак, с цветами определились. Черный, красный и немного белого для ЧВК в Африке – это подходящая расцветка. Но сам рисунок... на мой взгляд, он слишком сложен технологически. Работать придется больше на территории протекторатов, а там можно и даже нужно использовать нечто другое. К примеру, черный силуэт винтовки на красном фоне или более простой и агрессивный, понятный посылом рисунок. Все же в забытых Богом местах страх силы работает гораздо лучше, чем уважение к прогрессу. С которым именно вот эта эмблема и ассоциируется в первую очередь.

– Значит, просто и агрессивно? – заинтересованно протянул Леонид.

– Как буква «Λ» на щитах лакедемонян, – козырнул я знанием античности.

– Но, к сожалению, это не аспид, – показала, что понимает, о чем речь, и Маша, намекая на треугольную форму геральдического щита. – Но за мнение благодарю, я учту.

– Так, может, покажешь класс дизигнера-геральдиста и армориста? – насмешливо произнес Валера, явно озвучив невысказанное желание остальных заинтересованных.

Пожав плечами, я дождался доступа от Маши, притянул к себе проекцию картинки, открыл графический редактор и стер все цвета со щита.

«Напугал ежика голым задом», – пробурчал в это время внутренний голос. Со мной знание непрожитого века иной реальности, я вообще могу удивлять нон-стопом, поражая окружающих «свежими» идеями.

Разобравшись с кистями редактора, я широко мазнул и в несколько штрихов закрасил весь щит в черный. После нарисовал косой белый крест, разделяя щит на четыре части. Крест непропорциональный – нижние лучи короче, чем верхние.

Немного подровняв не очень ровно получившийся широкий белый крест, внутри него нарисовал еще один, красный.

Ну вот. Тяп-ляп, и готово. Практически герб Болтонов из Игры престолов.

– Ну... – протянул задумчиво Валера после долгой паузы. – Я бы не сказал, что это вот прямо идея.

– А если представить, что вот это, – показал я на красный крест внутри белого, – повешенный вниз головой распятый человек, с которого содрали кожу?

Непропорциональные, разной длины лучи креста помогали воображению. Добавляя описания ставшей резкой и неприятной даже на вид эмблеме, я произнес:

– Достаточно будет даже просто пустить слух о воображаемом методе казни, и он распространится быстрее пала в степи. А если в ЧВК набирать преимущественно католиков, так чтобы об этом было известно, тогда простой африканский люд будет гарантированно бояться

наемников вплоть до дрожи в коленках. Даже без превентивной агрессии, только заведя красный крест на рукаве. Протектораты – это не то место, где как Библию чтят Билль о правах человека. «Неукротимый белый человек» подходит больше и хорошо работает как инструкция по выживанию.

Обсуждение моей идеи заняло некоторое время, и в ходе шумного разговора, сплотившего компанию, я подумал, что пора бы линять отсюда. Дело скоро к утру, время провел хорошо – отдохнув душой, теперь пора отдохнуть телом. В то, что Леонид хочет мне сказать и показать что-то действительно важное, кроме знакомства с принцессой корпорации, я уже не верил.

А зря.

Правда, узнал я об этом весьма нетривиальным способом. Началось все с того, что мимо проходило несколько нижних чинов. Тех самых военных, на которых я показывал совсем недавно, – солдаты московского 1-го Екатеринославского лейб-гвардии гренадерского полка, который не стоит путать с 1-м Лейб-гвардии гренадерским полком, расквартированным в Санкт-Петербурге. Впрочем, по форме спутать сложно – красные португепи на черных мундирах московских гренадеров довольно известный предмет гардероба.

Ведь что такое московский гренадерский полк для России двадцать первого века? В первую очередь это поручик полка барон Михаил Кистер и первый турнир на Ходынке, с которого началась история русского бокса. А также возникший с подачи Кистера клуб Арена, закрытый и после возрожденный под названием Панкратион. Клуб, с которого и началась популярность в России и мире одноименного искусства рукопашного боя.

Смешанные единоборства в этом мире ничуть не уступали популярности ММА в мире моем. В некотором роде будучи более востребованными – не только на профессиональном, но больше даже на любительском уровне. Да, был нюанс – любители все сплошь состояли на воинской службе и организмы их были усилены имплантами и аугментацией.

И недавний чемпионат по панкратиону Российского Императорского военно-морского флота привлекал внимания не меньше, чем очередные поединки UFC на бойцовском острове. Так что любой профессионал из мира (из легального мира) смешанных единоборств моментально лег бы у ног самого слабого любителя из армий Большой Четверки. Среди которых екатеринославцы признанно считались постоянными кандидатами на звание первых среди равных.

Это я все к тому, что громкий выкрик «Эге-ей! Лыжню!» от идущего с пивом Бяратинского расступиться парней в черных мундирах оперативно не заставил. Даже наоборот. Ну а когда последовало: «Ну что вы тугие как дуболомы, а? Пройти, говорю, дайте!» – обращенное к широкоплечему и массивному как шкаф фельдфебелю, ситуация сразу приобрела высокий градус накаленности. Тут же вылившийся в молодецкий удар в бубен (Бяратинского).

Способности Бяратинского уже давно были заглушены чистой слезой, отсекающей контакт с Источником. Но и гренадер смотрел на мир потухшими, неактивными имплантами – в боевом режиме его удар мог и через кирпичную стену пройти.

Впрочем, стена никуда не убегала, а вот Бяратинский от удара уклонился. И, стремительно крутанувшись, вертушкой зарядил фельдфебеля пяткой в грудь. Хэкнув, тот отшатнулся на пару шагов, пытаясь сохранить положение в пространстве – расставив руки и тщетно пытаясь поймать вроде бы только что рядом стоявших товарищей. А их не было – один подхватил свободный стул от стола рядом и повторил вертушку, заставив мебель встретиться с гибким и неуловимым как жидкий металл Бяратинским. Получилось грубо, но весьма действенно – видимо, гренадер в схватках с одаренной молодежью уже участвовал. Знал, что просто ударом достать непросто.

Барятинский к подобному готов не был. Да, он оказался крепче – стул разлетелся на составляющие, но и Юра отлетел на пару метров, приземлившись на чужой стол. Вызвав женские визги – причем не возмущенные, а скорее восхищенные.

Едва Барятинский лег рядом с молочным поросенком, остальные два спутника фельдфебеля уже прилетели барахтаться в аквариум неподалеку. Подняв там тучи брызг и заставляя нервничать удивленных новыми соседями осетров. А под куполом ресторана металось остаточное эхо нашего с Леонидом «Это Спарта!», которым мы сопроводили неожиданное нападение на гренадеров.

Да, пусть со спины – но в нашем положении выставяться на прямой обмен ударами проигрышная стратегия. Со стороны противника рамы такие, что с армейскими тягачами могут соревноваться в крепости лобовой брони. Что и подтвердил свистнувший рядом кулак пришедшего в себя фельдфебеля – он увидел в лице нас новую цель.

Я успел уклониться, но оказался в западне – рядом был стол с пытающимся подняться Барятинским, сбившиеся в кучу визжащие дамы и преграждающая путь пальма. К счастью, давая мне возможность маневра, в голову фельдфебеля прилетела массивная пивная кружка, брызнув черепками. Это Судзуки, Валера и Бóрисы перевернули сразу несколько столов, создавая баррикаду. Очень вовремя – потому что к нам от водоема у грота целеустремленно бежали еще четверо гренадеров из остальной компании екатеринославцев, а двое отправленных в бассейн уже почти выбрались.

Фельдфебель от попадания кружки отвлекся на мгновение, потом еще на одно – отправил в более далекий полет эффектно, прыжком поднявшегося Барятинского, а после получил ребром ладони в основании черепа от подоспевшего Леонида и отключился.

В этот момент я только заметил, что музыка в ресторане стала гораздо бодрее, задорнее даже. И много громче – видимо, не в первый раз здесь подобное и все действия по организации веселья уже отработаны.

Оглянувшись на Барятинского – во-первых, далеко, а во-вторых, скрылся среди суматохи едва одетых фигуристых смуглых танцовщиц, я собрался было ретироваться за баррикаду из столов. Не удалось – меня за рукав схватил Леонид и потянул за собой.

«Ему совсем Спарта в голову ударила?» – возопил мой внутренний голос, когда я понял, что мы бежим прямо навстречу опоздавшим на начало веселья гренадерам.

Несмотря на мое – в кои-то веки, согласие с непрошеными мыслями, вместе с Леонидом я побежал. Когда тебя в открытую, пусть и безнадежную, драку тянет наследник одного из европейских престолов, отступать по меньшей мере глупо.

Нас, кстати, из-за баррикады провожали выкриками, призывая вернуться на более выгодные позиции. И, судя по нестройному «Это Спарта!» из-за спины, не уговорив, бросились следом. Но подмога была далеко, а гренадеры близко. Сначала инициатива оставалась на нашей стороне. Выбравшиеся из бассейна (вместе с парочкой бьющих хвостами осетров и извивающимися веревками угрей) двое гренадеров отправились обратно – нашего маневра сближения они не ожидали. Зато остальные встретили нас подготовленными.

Ощущения? Как в машине дробилке-молотилке оказался. Всего один мой удар достиг цели, а после сразу со всех сторон стало больно. К счастью, продолжалось это всего несколько секунд – по всему залу раздался оглушающий звук ревуна, засияло красным аварийным сиянием. И, лавируя между пальмами, к нам уже бежали экипированные в полицейскую броню охранники ресторана, держа наготове парализаторы.

Гренадеры, впрочем, когда заработал аварийный ревун, избиение прекратили. Один из них подал мне руку, помогая подняться.

– Ну что, сынки, повезло? – поинтересовался он.

– Ой, да ладно, дядь, мы просто фору давали, – утирая льющуюся кровь, пару раз шмыгнул я носом. Потом запрокинул голову, прислонив краснеющий рукав рубашки к лицу.

Если ночью выйти из сельского клуба и посмотреть на звезды, то из носа перестает идти кровь – старая народная мудрость.

Набежавшие охранники, кстати, никого успокаивать и винтить даже не думали – вот если бы мы с гренадерами продолжали друг друга молотить, тогда бы вмешались. Зато все с задором переругивались – как раз Бярятинский из оркестра выбрался, приходящего в себя фельдфебеля обнаружили и гренадеры из бассейна, а также Валера с Судзуки и Борисами подоспели. Последним примчался растрепанный и разочарованный Йохен. Он куда-то отлучался, и яркого, но скоротечного конфликта даже не видел. Девушки из нашей компании, кстати, в драке участия принимать даже не думали. Но зато поддерживали криками очень горячо – это я уже по факту понял.

Ревун между тем утих, охранники опустили парализаторы, а мы с гренадерами – обещавшись продолжить в следующий раз в этом же месте и в это же время при полной луне, разошлись по своим столам.

Кстати, ничего экстраординарного в подобном не было – тем более под сводами ресторана Стрельна. Случись стычка с гренадерами в ином месте – на улице, к примеру, последствия были бы печальные и для аристократов, и для военных. Но здесь территория свободы, поэтому даже полиции не будет, как понимаю. Владелец заведения не вызвал (владелец такого заведения дураком быть не может), а никто из нас с гренадерами точно никуда не пойдет.

Полиции не было, зато следом за облаченными в бронекостюмы охранниками в зале появились люди в гражданском, но с очень серьезными лицами. Свита Леонида, как понимаю, – и телохранители, и служба охраны, и даже пара юристов, ненавязчиво беседующая со всеми свидетелями, полунамеками обозначая возможные последствия слишком широко озвученных мнений.

Это я все наблюдал краем глаза, потому что нас с Леонидом – как самых пострадавших, его люди уже уводили, окружив плотным кольцом. Аккуратно, вежливо, но без задержек повели прямо к находящемуся неподалеку эвакуационному выходу. Сразу за которым скопилось уже несколько машин – проехавшись прямо по газонам парка, оставив на снегу колеи следов.

В одном из массивных микроавтобусов штатный целитель свиты Леонида оказал нам помощь, быстро подлатав полученные в драке повреждения, после к машине вплотную подъехал второй фургон с распахнутой боковой дверью, в который мы и перешли.

Здесь находилось нечто похожее на гибрид раздевалки и ателье. Раздевшись и бросив в деструктор потрепанные костюмы, мы воспользовались прет-а-порте принтерами, печатая себе свежие комплекты одежды.

Выбирая новый наряд из представленного меню, Леонид, на вид задорный и чуть нетрезвый, громко продолжал вспоминать перипетии славной битвы. В этот момент все и произошло. Поймав момент – дернув раньше времени и заставив механически взвыть окно приемника принтера, он наклонился прямо к моему уху.

– У сирот ломаная прошивка. Они об этом не знают и будут вас убивать, – быстро сообщил мне Леонид абсолютно трезвым голосом.

Через мгновение он уже был у принтера, забирая одежду. Встретившись с ним взглядом, я кивнул благодарно. Леонид, взглядом показав, что благодарность понял и принял, продолжил громко восхищаться нашим рейдом в меньшинстве на превосходящие силы гренадеров.

Мне же теперь все стало ясно. Вся наша удивительно веселая пьянка, два купленных ради шутки феррари, спонтанная драка – все это было только для того, чтобы получить несколько секунд наедине здесь. Не попадись на пути Бярятинского гренадеры, по-другому бы организовали нам встречу без посторонних. Неспроста те же Борисы из Архангельска прилетели.

Причем у меня появилось ясное понимание – чтобы организовать подобное, Леониду не нужно было прилагать практически никаких усилий. Тем более он наверняка даже не забо-

тился о возможности нужного исхода дела, просто зная – все, что нужно, получится. Знал еще тогда, когда холодным взглядом давал мне понять, что ехать с ними стоит.

Это я чужой в высшем обществе юных одаренных, но остальные ведь в этом мире как рыбы в воде, живут здесь и родились. Это сложно понять и объяснить. Даже себе. Если просто, то дух восприятия действительности ими – Валерой, Леонидом, Эльвирой, Анастасией, передает старый британский анекдот:

«Плывут два малька и встречаются старую рыбу, которая обращается к ним:

– Привет, ребят. Водичка прохладная сегодня, да? – и после, не дожидаясь ответа, плывет себе дальше.

– Вода? Что такое вода? – провожают мальки ее взглядом».

В этом мире все они как рыбы в воде.

Валера наверняка ведь даже примерно не в курсе, о чем Леонид собрался мне говорить. Даже нет, не так. Он, думаю, даже не услышал от Леонида просьбу помочь организовать нам возможность конфиденциальной встречи. Предположу, не боясь ошибиться, что хватило даже тени полунамека от Леонида к Валере, после которого Борисы полетели сюда из Архангельска. Как хватило тени полунамека и Брятинскому, который схлестнулся с гренадерами специально. При этом явно не после услышанного: «Юра, мне нужна минута с Артуром без чужих ушей, организуй потасовку». Но, кажется, я постепенно начинаю их понимать. При этом не сказать, что становлюсь своим. Вернее, не начинаю воспринимать себя как своего среди своих.

И да. Фургон этот явно защищен и от чужих глаз, и от чужих ушей, но при этом ценность информации такова, что Леонид даже здесь перестраховался, сообщив мне информацию ценой внеочередного ТО для до сих пор скрипящего прет-а-порте принтера. Объяснять, почему он это сделал, мне не было нужды.

«Legrand» – часть корпорации СМТ, работающая в том числе по военным подрядам с Трансатлантическим содружеством. В частности – поставляя программное обеспечение для бронекостюмов Шевалье. И, не боясь ошибиться, предположу, что корпоративной принцессе стала известна информация о сломанной прошивке костюмов команды Александровского училища, которой она поделилась с Леонидом, а тот – в свою очередь, со мной.

Однако.

Очень неплохо сработала недавно рука судьбы, направляя нашу машину в ворота строения FV32. Именно туда, а не в ворота строения FV34, допустим, – также соседствующего с виллой Марьяны.

Так и делаются форматирующие этот мир дела, оказывается. Полбутылки водки в Йохена, чужой бюстгальтер в руки Брятинского, и в результате – вполне серьезные отношения наследника греческого престола, не последнего в Европе, и корпоративной принцессы из группы компаний СМТ, играющей ведущие роли на территориях протекторатов Трансатлантического содружества.

Отношения наследников, весьма серьезные для того, чтобы стать вызовом всем традициям такого дуалистичного мира – разделенного между собой технократами и владеющими магией аристократами.

Вот только есть один очень неприятный момент. Леонид сказал, что у всех Александровских сирот будет сломана прошивка на костюмах. Логика в этом я пока не видел.

Если предполагать, что Леонид ошибся и не «вас будут убивать», а цель только я – как и предупреждал Николаев. Но если цель не только я?

Глава 3

До момента выхода на площадку арены – для участия в приветственной процедуре первого дня матча с командой Александровского военного училища, оставались считанные минуты.

– Валер.

Отвечать он даже не стал. Просто медленно повернул голову, и я встретился взглядом с его красными от недосыпа глазами.

– Ты выглядишь усталым. Не выспался?

Отвечать Валера снова не стал. Так же медленно отвернулся, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Понимаю, – вкрадчиво и негромко произнес я. После чего перевел взгляд на Эльвиру.

На лице царевны не дрогнул ни один мускул. Эльвира, в отличие от Валеры, сидела в кресле ровно, сохраняя полное самообладание и деловой вид. Но глаза, как и у принца, у нее были красные от недосыпа.

Под моим взглядом Эльвира глубоко вздохнула, стараясь сделать это незаметно. И совершенно точно – я почувствовал по ее эмоциям, ответить на мой вопрос, в отличие от Валеры, была готова.

– Понимаю, – еще раз вкрадчиво произнес я, не став еще больше обострять ситуацию. Сразу после, как и Валера, откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. И не услышал, а почувствовал даже, как Эльвира выдохнула – словно избавляясь от невысказанного ответа.

Но, едва откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза – одновременно со слышимым вздохом Эльвиры, осязаемо почувствовал чужое внимание. Открыв глаза, увидел внимательные взгляды Модеста, Ильи и Наденьки. Все они – в парадной форме, свежие и бодрые, стояли у дверей, готовые к выходу. И недоуменно переглядывались – все же мы втроем, Эльвира, Валера и я, появились здесь совсем недавно. В парадке, но слегка растрепанные быстрыми сборами и немного усталые.

Подобное уже начинает входить в привычку – хмыкнул я, вновь прикрывая глаза. Хотел просто подремать оставшиеся минуты до выхода. Казалось, что может быть проще и естественнее? Но не удалось: мозг, как это обычно и бывает в такие моменты, решил подкинуть чрезвычайно важную задачу из серии «почему Магнитогорск не притянулся к Железногорску». Задачку, без решения которой сон не сон.

Возникший же сейчас вопрос заключался в следующем. В Стрельне сидели девушки из компании Леонида, так? Так. Но ведь сам Леонид крикнул Йохену: «Эй, ямщик, гони-ка к Яру!»

Почему? Ведь они же сидели в Стрельне, зачем тогда ехать в Яр?

Может быть, Леонид крикнул так оттого, что душа просила праздника, а в песне «Эй, ямщик...» поется про ресторан Яр, а не про ресторан Стрельна? И вообще и Яр, и Стрельна, и Мавритания находятся совсем неподалеку друг от друга, все в Петровском парке.

Но почему тогда Валера не захотел ехать именно в Яр, сказав, что там долго и дорого? Он не знал, что вся компания уже сидит в Стрельне?

Наверное, Валера так сказал потому, что он изначально в вечеринке не участвовал и только подъехал из аэропорта вместе с Борисами.

Почему тогда Судзуки предложил: «Может, в Стрельну?» – а не сказал: «А мы же сидим в Стрельне?»

А вот это случилось, наверное, потому, что Судзуки вместе с Барятинским и Валерой был занят приобретением двух желтых феррари. И от общей компании – заседающей в Стрельне, они отделились до того, как эта самая компания в Стрельну пришла.

Тем более что Маша Легран появилась в ресторане, как я, не с самого начала, и Леонид мог рассчитывать поменять место дислокации. А еще... а еще вопрос. «Мне это вообще сильно важно сейчас?» – спросил я у мозга.

«Почему это должно быть важно? – моментально ответил мне мозг. – Вообще вопрос из серии «пренебречь, вальсируем», и я не знаю, почему ты тратишь время на всякую ерунду, а не спишь, полезно используя столь дорогие в твоей ситуации минуты».

Сразу после череды таких мыслей я мгновенно отключился.

– Время, – произнесла Эльвира за секунду до того, как раздался первый предупреждающий сигнал. – Собрались, ребят, – она даже несильно хлопнула пару раз в ладоши.

Модест, Илья и Наденька недоуменно посмотрели на нашего капитана. Но Эльвира вот это вот «собрались» адресовала нам с Валерой – остальные и так уже были на ногах, ждали только нас. Но и мы с Валерой собрались – судя по взгляду, Эльвиру наш настрой удовлетворил.

Поднявшись, мы с Валерой подошли ближе к основной группе. И шестеро человек вновь стали единым целым, одной командой. Как-то остро я это почувствовал, когда мы организованно двинулись в сторону выхода со сцены на арену Дворца спорта на Ходынке. Именно здесь – на стадионе Площадка МКЛ, александровцы проводили свои матчи, арендуя Дворец спорта у Московского клуба лыжников. Который, сохранив старое название, объединял самые разные спортивные направления, среди которых сами лыжники уже давно не играли ведущей роли.

Причина аренды чужого Дворца спорта была довольно проста. Александровское «сиротское» военное училище находилось в самом центре Москвы, в двух шагах от Кремля. Обучались там обычные (неодаренные) курсанты, и подходящей под требования турнира арены при главном корпусе на Знаменке естественно не было. Как полигон для тренировок с одаренными училище использовало сертифицированные арены во Фряново и Черноголовке, где изначально и планировалось проведение матчей александровцев. Но, учитывая небывалый зрительский ажиотаж, организаторы турнира в последний момент согласовали перенос матчей и замену арены на более вместительную площадку в черте города.

Так как стадион арендованный, внутренняя планировка отличалась от стандартных арен императорских школ. И выхода на площадку для церемонии представления команд и выбора локаций для поединков мы ожидали в одном коридоре с александровцами. Шестеро курсантов в парадной форме училища стояли рядом с нами спокойно и молча. Не переговаривались, не переглядывались, даже дышали в такт, по-моему.

В училище получали военное образование обычные, не владеющие даром курсанты. И выглядели они совершенно непохоже на тех соперников из магических императорских школ, с командами которых мы уже встречались. Это не значит, что одаренные выглядят как-то лучше, нет; по-другому. Курсанты александровцы казались шестеркой сказочных богатырей (только молодых пока), отбившихся от основного отряда дядьки Черномора.

Все одинакового роста и телосложения, у всех коротко стриженные светло-русые волосы, даже общие черты лиц. Неспроста – все же идущие в паре генетика и евгеника в этом мире шагнули гораздо дальше, чем в моем. И коррекция внешности, особенно в потомственных сословных семьях, в данном случае воинских, являлась обыденным порядком вещей.

За несколько секунд до объявления выхода капитан александровцев вдруг повернулся к Эльвире.

– Удачи, – произнес он. При этом коротко кивнул, сдержанным жестом отдавая дань уважения команде-сопернику.

– Всем нам, – произнесла Эльвира, зеркально возвращая александровцу жест уважения.

Практически сразу в этот момент освещение площадки окончательно погасло, и распорядитель дал команду выходить первому участнику нашей команды. Как обычно, мы первые – как гости. И как обычно, первой от нашей команды на площадку двинулась Надежда.

Едва она покинула подтрибунное помещение, зал взорвался овацией и громким гулом приветственных криков. И с небольшим опозданием зажглись многочисленные огоньки ассистантов, освещая едва ли не половину трибун.

Для меня происходящее сюрпризом не оказалось – я знал, что подобное происходит уже не первый матч. Но воочию наблюдал впервые: почти половина мест в зале была выкуплена японцами, которые прибыли в Москву только для того, чтобы посмотреть на Наденьку. Большеглазая девушка по ходу турнира стала настолько популярна в Стране восходящего солнца, что число ее официальных фан-клубов уже исчислялось десятками, за ней по стране ездили группы фанатов, а в составе журналистского пула нашей команды уже было сразу трое постоянных репортеров из японских СМИ. Естественно, от подобной популярности были и бонусы. Одним из которых являлись доходы от рекламы, которые уже сделали «Няшу» Наденьку очень и очень обеспеченной девушкой.

Няшное именование, кстати, было использовано с моей подачи. Правда, в обещанный эффект большеглазая девушка сначала не поверила. Но дисциплинированно сделала все так, как я и советовал: «Мы на пресс-конференции, так что давайте безо всяких няш-мяш, у нас серьезное мероприятие».

Из-за фанатского внимания к Надежде сейчас – в ходе приветственного мероприятия первого дня, даже нарушался общий протокол соревнования. По которому наша команда должна выходить под музыкальное сопровождение. Но уже третий матч во время выхода Наденьки музыка не играла – все равно за приветственными возгласами ее не слышно.

Когда Надежда поднялась на сцену и остановилась в высвеченном круге, овации смолкли, огоньки ассистантов потухли – причем дисциплинированные японцы замолчали все одновременно, как выключили. И только после этого темноту зала пронзили лучи голубого неона прожекторов, высвечивающие Василия со скрипкой, Софью с альтом, Рамиля с виолончелью, а также сразу трех девушек вокалисток. Да, видимо, выбор оказался ох как непрост...

Зазвучала музыка, дополненная современной обработкой, и зал притих в ожидании. Не зря – мелодия и напев *Moscow never sleeps* звучали в этом мире впервые. И это также являлось одной из причин, почему за выступлениями нашей команды следили.

Василий Михайлов из известного музыканта уже превратился в звезду мирового масштаба, а его треки вот уже месяц рвали мировые чарты. Еще один бонус популярности команды, только лично мой – Василий категорично изъявил желание делиться доходами.

Да, насчет песен мы с ним изначально договорились: все передаваемые мною композиции не являются объектом авторского права – с которым в этом мире гораздо строже, чем у меня дома. Зарабатывать на творчестве, созданном другими людьми, пусть и в другом мире, я не собирался. Мне изначально казалось это неправильным, и я предполагал возможность свободного использования переданных мною Василию композиций любыми другими музыкантами.

Но, несмотря на это, троица музыкантов, как первые исполнители, практически моментально стала востребованными мировыми знаменитостями. Сыграла в этом роль еще и опубликованная запись из холла офиса Некромикона, подогревшая интерес. Что неудивительно – исполненной Василием на скрипке мелодии из Игры престолов, предвещающей разрушение в небоскребе корпораций, сложно остаться обделенной вниманием. Авторы разрушений, кстати, в распространенном ролике не упоминались, а сам Василий, естественно, о персоналиях молчал.

Делиться со мной он собрался доходами от рекламных контрактов и концертных сборов. В конкретные суммы – по причине загруженности с Николаевым, я не углублялся, перенаправив музыкантов к Фридману. Который – кроме этого, если судить по докладам, с трудом регулировал входящий поток от продажи скинов индивидуального дизайна оружия и брони на вирт-Арене.

Но Моисей Яковлевич являлся, несомненно, талантливым человеком и с обработкой бурлящего потока денег справлялся. Иногда, правда, судя по тону писем, Фридман не справлялся с эмоциями. Мне даже иногда казалось, что скоро на свою часть гонораров Моисей Яковлевич построит деньгохранилище и будет купаться в золоте или купюрах, как Скрудж Макдак. Но пока вроде не построил. Кремёнь – держится еще. Хотя, может, просто времени нет.

Один лишь момент волнителен во всей этой истории: все это благополучие держится на тонкой ниточке моей жизни. И если меня убьют, то и для Фридмана, и для остальных – тех, кто мне доверился и вместе осознанно шагнул на плаху в самом начале пути, все это может плохо закончиться.

А значит, что? Значит, правильно, хватит ныть и просто сделай так, чтобы тебя не убили – посоветовал я сам себе.

Как просто все. Прямо сентенции восточных мудрецов: если хочешь научиться плавать, научись плавать; с неба капает вода, потому что идет дождь; в кипящем котле нет холодного места и прочие осознания, ведущие к полному просветлению.

С такими мыслями я и шагнул на светящуюся дорожку, показывающую мне путь к помосту на другом конце площадки арены.

– ...Люблю тебя, Москва, – напел я от избытка чувств вместе с троицей вокалисток, заходя на помост. И широко улыбнулся, услышав гул трибун – камеры выхватили и движения губ, и несвойственные участникам эмоции. Похоже, тема на сегодня у репортеров будет – к таким открытым выражениям чувств от обычно бесстрастных одаренных публика не привыкла.

На трибунах арены, кроме японцев, находились в основном москвичи. Так что им моя выходка – как и композиция, несомненно, понравилась. Как я заметил, наша команда вообще по пути устроила массовый слом шаблонов и всеобщее внимание, а также горячие симпатии зрителей, несомненно, привлекла. Что, о приобретенной нами симпатии, не сказать о мнении профессиональных критиков. Которые наверняка особо отметят тот факт, что александровцы в противовес нашей команде во время появления участников команды вышли ровно, дисциплинированно и по-военному сдержанно.

Далее церемония первого дня шла по привычному плану – одна за другой с больших экранов выходили донельзя реалистичные проекции членов команд, выстраиваясь в центре амфитеатра друг напротив друга.

Через несколько минут обе команды в лице двойников-голограмм, вооруженных и экипированных в броню, стояли друг напротив друга. Наша команда традиционно демонстрировала расслабленную уверенность, а вот александровцы выглядели строго, собранно и дисциплинированно. Все в темно-зеленой пехотной броне и вооружены одинаково – штурмовыми винтовками.

Мы, как обычно, пользовались несменяемым и уже знаменитым набором – Надежда со снайперской винтовкой (украшенной уже розовыми котятами), Модест с укороченным АЕК-101, а остальные с полноценными штурмовыми винтовками, АЕК-103.

– Приветствую вас, дорогие гости, приветствую вас, дорогие участники... – зазвучал голос из-под сводов арены.

Дикторы на всех матчах работали разные, но их, видимо, тренируют по одной инструкции – голоса звучат похоже, даже одинаково. Проходи турнир в протекторате, я бы решил, что голос синтезирован нейросетью, но здесь Конфедерация – подобное просто не поймут. Так что наверняка живые люди и идеально отработанные одинаковые интонации дикторов.

Оглянувшись на нашего капитана, я увидел, как Эльвира на краткий миг крепко зажмурилась. Так бывает, когда человек сбивает сон. С трудом удержавшись от легкой улыбки, я отвернулся, глядя на голограммы двойников, застывших в центре площадки арены. И – как и

Эльвира, тяжело моргая, прикрыл глаза на несколько мгновений дольше. Вспоминая, как вчера ночью мы с Валерой стояли у выхода из ресторана Стрельна, веселые и разгоряченные.

– Кто звонить будет? – поинтересовался Валера, но сразу же, не дожидаясь моего ответа, вдруг начал длинную и заковыристую детскую считалочку.

Надо же, запомнил – именно с помощью нее я в прошлый раз обманул его, безальтернативно разыграв право платить в ресторане за коллежского секретаря Дариуса Орбакаса. Потому что считалочка с простым секретом – с кого счет начинается, на том и заканчивается.

– ...все-равно-тебе-звонить, – закончил донельзя довольный собой Валера, победно указав на меня пальцем.

Я к этому был готов, и ассистант уже достал, выбирая запись в списке контактов.

– Эльвира.

– Артур?

Вызов, по вполне понятным причинам, был голосовым – запрос на видеосвязь я даже не отправлял. Но голос у Эльвиры, очень неожиданно, оказался удивительно собранный и деловой. Правда, значок в мессенджере напротив ее имени был подсвечен активным – показывая, что для близких контактов она в доступе. Но все равно ожидал некоторого смятения или даже сонливости.

– Мы с Валерой тут подумали и решили...

– Мм... подумали, вместе с Валерой. И даже что-то решили... – в голосе Эльвиры явно послышалась плохо скрываемая язвительность. Что меня всерьез удивило – за царевной такой демонстрации эмоций я вообще не помню.

– Интересно, что же вы решили? – уже вполне обычным голосом поинтересовалась Эльвира, заполняя возникшую паузу.

– Решили, что соскучились и приглашаем тебя куда-нибудь посидеть, – медленной скороговоркой произнес я.

Будучи трезвым, делать при этом вид, что ты пьяный и при этом делаешь вид, что говоришь трезвым голосом, непросто. Но я думаю, у меня получалось.

– Артур?

– Эльвира?

– Я стесняюсь спросить... вы с Валерой, – выделила она имя принца так, что он неожиданно с лица сбледнул, – всю ночь думали?

– Ну... н-нет, – глянул я на часы.

Часы, кстати, показывали 03:23.

– Да и ночь еще не кончилась так-то, – добавил я после паузы.

– Я в Сандуновских банях, подъезжайте, – сдержанно проговорила Эльвира и отключилась.

В Сандунах? – вслух удивился я.

«В Сандунах?» – услышал я эхом удивление Валеры.

Посмотрев на затянутое облаками декабрьское небо, я сделал долгий глоток из бутылки с шампанским. Пенящиеся струйки потекли по губам и подбородку, неприятно скатившись даже на шею. Передав бутылку Валере, я утерся рукавом.

Эльвира, как капитан команды, знала о местоположении всех нас. И наверняка в курсе того, что еще вечером я был в гостинице и никуда не собирался. Так что проблемы, думаю, сейчас совсем не у меня.

– Валер?

– Артур?

– Я стесняюсь спросить...

– Все в первый раз стесняются, как говорила одна моя подруга... – довольно резко ответил Валера, явно не желая продолжать разговор.

– ...но все же спрошу. Мне вот интересно, а ты Эльвиру в ресторан приглашал?
Валера промолчал.

– Валер, а тебе эта твоя нестесняющаяся подруга говорила о том, что голова не только для того, чтобы есть, но ей еще иногда думать можно?

– Ой, всё, – отмахнулся Валера, забирая у меня бутылку и допивая шампанское. И по его обреченному виду я понял, что пригласить на встречу с Леонидом Эльвиру он не догадался.

«Идиот!» – с интонациями Папанова подсказал мне внутренний голос.

– Валер, ты, конечно, прости...

– Нет.

– ...но если начистоту, вот как между своими, ты реально долбоящер. Я честно думал, ты умнее.

– Артур, ну хватит, а?! Или сыпать соль на рану – это твое любимое развлечение? – совершенно обычным человеческим голосом воскликнул Валера.

Настолько голос был человеческий, что мне принца даже жалко стало.

Такси возникло из темноты, стоило только выйти на проезжую часть и рукой махнуть. И через десять минут мы с Валерой уже заходили в Сандуновские бани. Предупредительный администратор сразу повел нас в занятые Эльвирой номера. Я в Сандунах в прошлой жизни не был и оглядывался с интересом, обозревая богатые интерьеры.

Валера, в отличие от меня, даже если и не был здесь раньше, оглядывался больше в свое прошлое. Наверняка анализируя тот момент, когда прошел мимо соображения пригласить Эльвиру. Переодевался и обвязывался полотенцем он вообще с таким видом, словно ему как Людовика XVI на гильотину пора подниматься.

Эльвира встретила нас в просторном помещении, напоминающем атриум римской виллы – лазурный бассейн, белоснежные колонны, мраморные фигуры, все как полагается. Сибирская царевна, полностью вписываясь в античный антураж, возлежала на удобной скамье.

Выглядела она непривычно для меня – хотя и видел ее во многих ипостасях. Но вот так – с распущенными влажными волосами, бокалом вина в руке и в позе Венеры с картины Веласкеса, впервые. Правда, в отличие от лежащей перед Амуром Венеры, наготу Эльвиры все же прикрывала белоснежная простынь.

– Привет, – поздоровалась с нами царевна. Выглядела она при этом весьма благожелательно.

Потянувшись, Эльвира наклонилась к столу. Движением невольно привлекла взгляд – тонкая ткань простыни на груди натянулась, не оставляя места равнодушию. Мы с Валерой, как я понял, синхронно посмотрели в одно и то же место, а после подняли глаза – когда царевна взяла с блюда на столе большую красную виноградину и поднесла ее к ярким карминовым губам.

Надкусив, а после и целиком проглотив ягоду, Эльвира сделала еще небольшой глоток рубинового вина, после чего грациозно поднялась.

– Я в сауну, – сообщила она нам не оборачиваясь.

Переглянувшись, мы с Валерой подумали, и я решил, что это все же приглашение. Валера, с секундной задержкой, двинулся за мной следом.

Если быть точным, Эльвира направилась не в сауну, а в турецкий хамам – воздух не сухой и обжигающий, а влажный. Но жар далек от русской парной – в облицованном голубой плиткой помещении висел приятный и густой мягкий пар.

Расположившись на каменной скамье, Эльвира подождала, пока мы устроимся напротив, в другом конце помещения. Скептически нас осмотрев, Эльвира жестом позвала сесть ближе.

Приподняв простынь для удобства – очень аккуратно, без лишних движений, но все равно заставив быстрее биться сердца, царевна уселась на скамье, по-турецки скрестив ноги. После чего взглядом попросила нас повторить то же самое.

– Нет, просто ноги с пола поднимите, – покачала она головой, увидев нашу с Валерой заминку. Ни словом, ни жестом она сейчас не напомнила о той язвительности, с которой разговаривала во время недавнего звонка.

Сразу после того, как мы выполнили просьбу, Эльвира избавилась от видимой расслабленности. Убрав за плечи волосы, изящно отбросив их на спину, она максимально сосредоточилась и сделала несколько пассивных движений руками. Практически сразу пелена влажной водяной взвеси вокруг нас пришла в движение, сгущаясь в непроглядную мглистую пелену.

Буквально полминуты, и мы оказались словно на вершине горы, окруженной мглистыми облаками. Очень густыми – по ощущениям, прикоснись я сейчас к созданной водой и паром завесе, она спружинит как упругий пудинг. Сразу стала понятна и просьба Эльвиры поднять ноги на скамью – по полу тоже стелилась густая мгла.

– Это из арсенала Спящего, – сообщила царевна. – Можем говорить спокойно, мы теперь наедине.

Глаза Эльвиры сейчас светились лиловым – точь-в-точь как у Ольги. Царевна уже прошла инициацию. Причем тайно, еще даже не зарегистрировав филактерий, как это сделал я. И об инициации Эльвиры пока знали только трое – я, Валера и Ольга, которая помогала царевне так же, как мне помогли Дорошкевичи.

Для освоения владения даром Эльвира выбрала Школу ментальной магии. И явно не последнюю роль в ее решении сыграло наследие убитого ей Спящего. Практически неизвестное пока наследие – насколько я знал со слов царевны, осваивать его пока слишком опасно по причине ее слабых знаний в менталистике.

Рисковать же, как я, она не хотела. Но у меня и случай иной – лорд демонического пламени был настолько силен, что я, даже не осваивая и усваивая, едва смог совладать со свалившимся как снег на голову трофеем. Трофеем, которым были просто обрывки знаний, а не полноценный слепок, как смогла забрать Эльвира. Да, Спящий был не так силен, как лорд – повелитель демонического пламени, но рисковать разумом царевна не собиралась.

Рисковать разумом не собирались, и именно поэтому, как я знал, Эльвира усердно занималась освоением ментальной магии. Не как я с Николаевым, конечно, но тоже весьма активно. Помогала царевне в освоении дара Ольга, что неудивительно. И кажется мне со всеми этими событиями, что Эльвира может стать частью плана Ольги. Того самого плана по превращению Арктики в неприступное Место Силы – что озвучивала мне Ольга в чертогах разума, после спасения от обжигающего наследия демонического пламени.

Но сейчас меня занимало несколько другое. А именно – что хочет нам сказать Эльвира.

– У меня сил немного, давайте сразу о деле, – произнесла царевна и сообщила: – После завтра кого-то из нас будут пытаться убить.

– Мы уже в курсе, – кивнул я и пояснил под вопросительным взглядом: – Сегодня узнали.

– Что конкретно?

– У александровцев будет сломана прошивка бронекостюмов, предполагаю, что снят блок на ограничение урона после пробития первого уровня щитов.

– Ясно, – кивнула Эльвира. – Я этого не знала.

Увидев наши вопросительные взгляды, она пояснила:

– Вы узнали, как это случится, я узнала почему.

– И почему?

– Из информации, которую мне сочли нужным донести: накал схваток отборочного турнира оказался непредвиденно серьезный, а в матчах на выбывание соперничество предстоит гораздо более жесткое. Несчастные случаи кажутся весьма вероятными, поэтому принято принципиальное решение во время стыковых матчей допустить смерть участника, чтобы начать общественную дискуссию – продолжать проведение соревнования или нет.

– И конечная цель дискуссии? – поинтересовался я.

Если где-то упоминается возможность общества что-то решить с помощью дискуссии, это всегда значит, что концептуальное решение ответственными лицами уже принято. Вопрос только, знает ли о нем Эльвира. Как оказалось, знала.

– Будет принято решение турнир продолжать. Но меры безопасности будут пересмотрены и усилены – к примеру, введены в эксплуатацию холодные сердца. Также в турнире продолжат участие лишь те команды, в которых каждый участник, а также глава его рода или законный представитель согласятся с возможным смертельным риском.

– Ты думаешь, кто-то откажется?

– Да. И не думаю, а знаю, – неожиданно удивив, кивнула Эльвира. – Но большинство, как планируется, участие в турнире продолжат. Кстати, Санкт-Петербургская Мариинская гимназия из числа тех двух команд, которые от участия в турнире должны отказаться.

Вот это интересно. Петербургская гимназия полагалась победителям нашего с александровцами стыкового матча как соперник в четвертьфинале. Значит, если они с турнира снимутся, то мы сразу проходим в полуфинал.

Заманчивая перспектива.

– Мы только одни как кандидаты в роли жертвенной овцы?

– Этого не знаю, – покачала головой царица. – Но как понимаешь, самые удобные.

Действительно, как кандидаты мы подходили идеально. Причем не только наша команда в роли жертвы, но и соперники в роли палача. Потому что, если Валеру, Эльвиру или даже меня убьет член высокой фамилии, это будет повод для возможных родовых разборок. Даже вот так: Повод.

Если же это сделает курсант сирот, сильного ажиотажа не возникнет. Александровское военное училище не является элитным, но за курсантами стоят офицерское братство и неодавленная аристократия – старой владеющей аристократии не противники. Не потому, что слабее, а потому, что наказывать без персоналий бессмысленно. Месть же обычному курсанту, простому винтику военной машины, мелочна, а сильный род может позволить себе великодушие. Тем более не будет повода, если воскрешение по слепку души окажется обставлено как своевременные действия целителей, а о гибели участника станет известно лишь узкому кругу. Что, скорее всего, и планируется.

– Есть нюанс, – произнес я, привлекая внимание Эльвиры. Царица, кстати, видимо сочтя беседу законченной, уже смотрела на Валеру. Очень внимательно смотрела.

«Что такое нюанс, Василий Иванович?» – моментально подсказал мне внутренний голос фразу из старого анекдота, которую я усилием постарался замылить. Все же серьезные вопросы обсуждаются.

– Артур, пять секунд, – отвлекшись, прервала меня Эльвира и сосредоточилась.

Подняв и широко расставив руки в стороны, она добавила энергии в вихрящийся поток окружающей нас мглы. При этом я старательно не смотрел на вновь натянувшуюся влажную белоснежную ткань простыни.

«Эх, Лада, Лада, – обратился я мысленно к мирозданию, – что же ты наделала своим врожденным женским шармом?» Вообще никак на деле не сосредоточиться, самые разные желания одолевают.

– Теперь говори, – произнесла между тем Эльвира, открывая глаза. Голос ее дрогнул, она тяжело и прерывисто задышала, как после спринта.

– Крупные букмекеры искусственно снижают на нас коэффициенты. Да, кто-то из серьезных игроков уверен в нашем проигрыше, – ответил я на невысказанный вопрос. – И я вот думаю о чем: у сирот будет сломана прошивка, под задачу организовать одну (?) смерть. Но как-то с железной уверенностью знающих лиц в их победе эта задача не слишком вяжется. Может, расчет на то, что после подобного – если, допустим, в первом раунде из нас кто-то ляжет, мы

снимемся с соревнований? Но мы не снимемся, и на месте владельцев крупных денег я бы не был в этом уверен. Если сироты рашить намерены?

– Рашить? – переспросил Валера. До этого он практически не принимал участия в беседе. И не потому, что сказать было нечего, просто явно не хотел привлекать к себе внимания.

– Rush. Быстрый, дерзкий натиск, такой блицкриг на минималках. Если сироты резво стартанут и попытаются не просто нас победить, а буквально уничтожить напором? Зажмут в коридорной карте и начнут размениваться... Тем более все выглядит грустно, если предположить... – сделал я даже паузу, собрав в кучу все неприятные мысли.

– Предположить что?

– ...если у них ломаная прошивка, почему не может быть и у нас?

– У тебя есть Накамура. Пусть проверит наши костюмы.

– Он-то проверит. Но я не уверен, что даже Накамура сможет что-то найти – все может быть слишком глубоко вшито. Я предполагаю, дело совсем не в чипе, который сиротам в каски каптенармус воткнул тайно и в темноте. Думаю, что это спящие базовые настройки.

– Других вариантов нет, – пожала плечами Эльвира.

– Но вы понимаете, что впереди лотерея русской рулетки и в барабане совсем не один патрон?

– Понимаем, – вместо царевны ответил Валера.

– Это еще не все.

– Отлично, – явно расстроилась Эльвира. – Что еще?

– У меня есть информация, что персонально моя смерть на турнире согласована. Для того, чтобы оперативно после – вероятно, дуэлью, организовать следующую, бесповоротную.

Валера и Эльвира после услышанного откровенно насторожились и переглянулись.

– И еще. Когда фон Колер отправлял нас в Инферно, я ведь спасся совсем не потому, что такой весь из себя талантливый.

– Ангел-хранительница? – моментально догадалась Эльвира.

– Она, – кивнул я.

О том, что мать Олега выполняет роль моего ангела-хранителя, они оба уже знали. Я сам рассказал после того, как принцесса Елизавета спасла нас и помогла с убийством Спящего. Не знали они лишь о ее происхождении.

– Я, кстати, думала об этом, – кивнула между тем царевна.

Думала, но не спрашивала. У нас у всех отношения уже гораздо ближе, чем даже у кровных родственников. И именно поэтому есть много тем, по которым друг другу вопросы не задаем. Как, к примеру, Эльвира не спрашивает сейчас о том, откуда у нас с Валерой информация о сломанной прошивке, а мы не спрашиваем, откуда она знает о планируемых смертях и изменениях в формате турнира.

– В тот момент, – продолжил я, – когда ангел помогла мне вырваться из гексаграммы фон Колера, она мне сообщила, что цель не я. С самого начала она знала, что цель – все мы.

– Ты хочешь сказать, что и сейчас вся наша команда может быть целью не только для показательной смерти?

– Утверждать не берусь, но предположить готов.

– Предлагаешь сняться с соревнования?

– Как вариант.

– Артур, ты же знаешь, что, как только мы исчезнем из фокуса внимания, нас могут – в случае если охота на всех нас, попробовать лишить жизни разными способами.

– Мы можем собрать все доступные силы. Кто предупрежден, тот вооружен.

– Но на арене у нас и противников меньше, и они известны, – не согласилась Эльвира.

– А сломанная прошивка? – невесело усмехнувшись, поинтересовался я. – Нужно понимать, что, выходя на арену, мы просто прыгаем в глубокую яму и что там внизу – вода, пух или арматура, тайна. Я не верю, что, если принято решение нас убить, это будет сделано на тупляк. Не та публика.

– Не стоит недооценивать предсказуемость тупизны, – произнес Валера, озвучив слышанную от меня цитату.

– Что за плебейские выражения? – вернул я ему должок.

– Ребят, – негромко попросила Эльвира.

Жестом попросив молчания, она подняла руки и вновь обновила защиту скрывающей нас мгlistой пелены. Когда царевна закончила, я увидел небольшую капельку крови, побежавшую у нее из носа.

– Прости, – искренне попросил я у нее прощения. Как-то со всей серьезностью беседы упустил совсем, что поддержание такого непробиваемого полога требует немало усилий.

– Что, мы в тупике? – кивнув, принимая извинения, поинтересовалась Эльвира. – Выйдем ли на арену, снимемся ли с турнира... хороших вариантов нет?

– Думать надо, время еще есть, – протянул я. И действительно серьезно задумался.

– Целых два дня, – хмыкнул Валера.

– Не думай о секундах свысока, – парировал я. – Два дня – это очень много, придумаем что-нибудь.

– Хорошо, думаем. Сегодня вечером тогда встречаемся здесь же, – подытожив, произнесла Эльвира.

Почти сразу она ослабила контроль закрывающей нас мглы. Сначала густая пелена исчезла с пола. Эльвира, мягко соскользнув со скамьи, встала, ожидая, пока пелена мглы вокруг ослабнет и окончательно рассеется. После того как окружающая реальность пришла в норму, Эльвира вышла из парной.

Мы с Валерой вышли из хамама почти сразу за девушкой, а она – вместо того чтобы направиться к накрытому столу, двинулась к бассейну. У самого бортика простынь опала – я даже не заметил движения, которым сбросила ее Эльвира. И уже через мгновение царевна грациозным прыжком изящно нырнула.

– Ладно, Валер, у меня дел много, – пробормотал я, проводив взглядом размытый силуэт, скользящий под водой к противоположному бортику бассейна. – Удачи, – напутствовал я принца и торопливо покинул помещение.

Не знаю, что здесь сейчас будет – а что-то сейчас здесь точно будет, но мне от этого лучше держаться подальше. Надеюсь только, что ни одного принца-оборотня не пострадает.

Пройдя через душ и одевшись, я достал ассистант.

– Да, ваше благородие? – практически сразу же откликнулась на звонок Лада.

– Привет. Как у тебя со временем?

– Для вас – всегда доступная бесконечность.

– Слушай, я тут подумал... может, переспим?

Громкий звук, предваряющий процедуру выбора, резанул по ушам, заставляя открыть глаза и отвлекая от самых разнообразных воспоминаний. Я вновь в зале арены на Ходынке, вновь участвую в приветственной церемонии.

После шоу с выходом и звукового представления мы – обе команды, ушли в тень на помосте, а перед нашими двойниками-голограммами появились схематичные изображения всех четырех возможных локаций для первых двух раундов.

Когда капитан александровцев заблокировал карту Сосновый Бор, я только вздохнул. Не знаю, отдали ли курсантам прямой приказ или их тренеры самостоятельно выбрали подобную тактику. Но факт налицо – все александровцы вооружены штурмовыми винтовками, обла-

дающими более сильным пробитием, но при этом их капитан ориентирован в выборе на коридорные локации, где удобнее пистолет-пулеметы.

После блокировки визави Соснового Бора Эльвира в свою очередь безо всяких задержек отправила в блок карту Метро. Если мое предположение насчет тактики быстрого натиска и планируемого быстрого убийства, даже быстрой массовой казни, верно, то Метро – самая неподходящая для нас карта.

Капитан противников, выждав все отведенные тридцать секунд, выбрал локацию Порт для защиты своей командой. После чего нам, также для защиты, безальтернативно досталась последняя доступная локация – Крыша.

Подобное развитие событий снова утвердило меня в обоснованности подозрений. Потому что атака предполагает агрессию. Порт – открытая и большая по площади локация, поймать нас там всех в одном месте нереально. А вот Крыша – коридорная локация малой площади, на которой мы еще будем компактно сосредоточены в защите...

Как говорится, у меня для вас есть хорошая новость – хотя бы не идет дождь. Подходяще перефразировать можно, сказав: «Хорошо, что это не Метро». В подземке все же и коридоры уже, и места меньше, чем в небоскребе.

Между тем, пока я утверждался в подозрениях, началась процедура выбора участников в первых двух раундах. По воле Эльвиры в центре площадки в круг шагнула проекция-двойник Наденьки, как участница первого раунда. Голограмма девушки надела шлем и перенесла вес на одну ногу, закидывая на плечо свою массивную винтовку. Это ее действие вызвало очередную овацию на трибунах, и вновь зажглись тысячи фонариков от ассистантов ее преданных фанатов.

Ответным выбором, надевая шлем, напротив Наденьки в круг шагнул один из александровцев. Эльвира сделала свой очередной выбор без задержки, как и все последующие – в круг один за другим шагнули двойники Валеры, мой и самой Эльвиры.

Перемигнулся свет софитов, и на табло под приветственные возгласы трибун появились списки составов участников на первый раунд. Пришла пора выбора для второго.

После того как вновь в светлый круг первой шагнула Наденька, зрители буквально взорвались гулом криков. И больше не умолкали, потому что из нашей команды один за другим выходили все те же люди – за Надеждой в центр круга последовали голограммы Валеры, моя и Эльвиры.

Вновь, как и во время первого матча в Семипалатинске, наша команда на первые два раунда выходила в одинаковом составе. Только тогда, почти два месяца назад, это было частью эпатажа, первым штрихом создаваемого образа. Сейчас же происходящее продиктовано насущной необходимостью. Потому что это наш сильнейший состав, и для того чтобы избежать смерти, приходится рисковать.

Можно сказать, что мы пошли ва-банк.

Интересно, есть в Москве храм богини Фортуны? Я бы сходил, попросил ее повернуться к нам завтра лицом, лишним не будет. Потому что весь ажиотаж, вся эта спрещатура, небрежность силы и прочие эпитеты, которыми нашу команду наградил Залманзон, – просто детские забавы по сравнению с тем, что мы собрались продемонстрировать уже завтра.

И да поможет нам Бог – как сказал бы в такой ситуации фон Колер.

Глава 4

Последние несколько минут до начала матча оказались самыми сложными. Хотя и делать ничего не нужно – просто сиди и жди. Но именно это томительное ожидание являлось самым непростым из того, что происходило со мной за последние двое суток.

Речи о том, чтобы загнать себя на эти несколько минут в сон, даже не шло – не та ситуация. Организм разогнан до максимума, и подобное действие последствиями окажется сродни сорванному стоп-крану в отъезжающем от перрона поезде. Поэтому я просто ждал и просто рассматривал рассеявшихся в раздевалке напарников, обдумывая весьма важные на данный момент вещи.

Эльвира прошла инициацию. Теперь она, даже в случае полного уничтожения своего тела, сможет возродиться на алтаре Места Силы в родовой усадьбе в сердце Сибири.

Валера, в отличие от царевны, инициацию еще не проходил. Но ему и нужды сильной нет, насколько понимаю природу его оборотничества. Принц, если погибнет, вообще останется в сознании и при памяти. И сможет выбирать – уходить в астрал и там бесплотным зверем умчаться в любое подходящее природное Место Силы, где и возродиться, или же подождать специалистов, которые помогут ему вернуться в прежней физической оболочке.

Ну, не совсем в прежней, конечно, – вспомнил я, как во время воскрешения тело Олега превратилось в прах, а на соседней койке возникла копия его физической оболочки. Уже к которой проводящими процедуру специалистами оказался привязан, заякорен даже, мой дух.

Специалистами – вспомнил я картинку тогда происходящего. Специалистами широкого профиля – хмыкнул мысленно. И неожиданно задумался. Когда в посольстве Российской Конфедерации меня воскрешали, находящиеся рядом люди напоминали вполне обычных работников медицинской сферы, а не одаренных. Учитывая, что в то время я находился под патронажем ФСБ, скорее всего это и были специалисты конторы.

Или нет? Есть вообще у ФСБ такие специалисты? Да, любой одержимый в Конфедерации, имеющий способности к темным искусствам, находится под контролем ФСБ. Реплика – имеющий слабые способности. Как у Барбары Завадской, которая после пыток смогла видеть невидимое. Все, кто обладает более внятной силой, отправляются в высшие императорские школы и гимназии.

Значит, люди в халатах к ФСБ отношения не имели? Получается, что нет. Почему? Правильно, потому что тогда вместе с ними на месте воскрешения присутствовала прекрасная девушка с нашивкой «Нелидова А.» на мундире.

Подобные мысли добавили еще больше значимости тому вопросу, который хотел сам себе задать. А именно: что случится в случае смерти Модеста, Ильи или Наденьки?

Модест живет и ведет себя так, словно не представляет жизнь в отрыве от Эльвиры. При чем откровенно выполняет обязанности оруженосца и непохож на однорангового спутника. Но мир вокруг таков, что я не удивлюсь, если у него положение равное царевне или даже выше. Всякое бывает, а маски местная аристократия умеет носить хорошо.

Илья? Не знаю. Человек-загадка, который практически всегда молчит.

Надежда? Тоже о ней ничего, по сути, не знаю. Но судя по тому, что и фон Колер, и Андре, да и Николаев сейчас, в ходе лекций относились к ней со снисходительным покровительством, по происхождению Надежда, скорее всего, не равня Валере и Эльвире.

Кто ответственен за активацию слепка Модеста, Ильи и Наденьки в случае их гибели? Понятно, что здесь и сейчас – Ольга, как маг менталист... как маг ментат, вернее. Вечно путаюсь в этом. Нюансов много – у одаренных конструкторы, у одержимых заклинания; у одаренных... ментаты, да, у одержимых менталисты. У нас разведчики, у них шпионы.

«Не перепутай, Кутузов».

Все мы – ученики императорской школы. И уже по факту зачисления в императорское учебное заведение освобождены от взора ФСБ. А от чьего взора не освобождены?

Отвлекая меня на краткий миг, по периметру помещения прошла красная дорожка отсвета, подсвечивая выход. Одновременно раздался звуковой сигнал, и мы вчетвером поднялись с кресел. Двинулись к раскрывшимся дверям, а далее по коридору к лифту.

Первый раунд должен проходить в Порту. Это открытая локация, и сейчас она воссоздана на площадке арены. И накрыта куполом, за которым находятся трибуны со зрителями, которые будут сейчас наблюдать за ходом поединка вживую.

Чтобы нам прочувствовать поддержку зрителей, изображения трибун были выведены на встроенные в стены экраны, а динамики доносили звуки приветственных криков. Но я шел мимо панорамных картинок не обращая ни на что внимания, погрузившись в себя и свои мысли.

Возвращаясь к которым. Меня вот сейчас лично курирует Николаев. Валера и Эльвира, признавая его навигатором, кроме этого, находятся под патронажем своих семейств.

Модест, Илья и Наденька? Кто из ведомственных чиновников за ними бдит? Вернее, кто из ведомственных чиновников за нами (и за мной тоже) наблюдал, пока Николаева не было? Так ведь не бывает, что столь ценные государственные активы – как способные одержимые, лежат бесхозными. Да, не стоит недооценивать предсказуемость тупизны, но не в этот раз, не тот случай. И то, что так не бывает, приму как данность.

Значит, что? Кто, вернее. Ольга? Получается, так.

Я вспомнил безликие коридоры медицинского блока посольства Российской Конфедерации и безмолвную красавицу медсестру с необычным взглядом фиолетовых глаз. Уже тогда Ольга с санкции герцогини присутствовала и при попытке менталиста влезть в мое сознание, и уже тогда она явно была не последним человеком в системе.

Сейчас же Ольга не просто фактически превратилась в нашего куратора от Тайной канцелярии, но и, судя по всему, накоротке с самим Императором. Все мне никак не забыть эту ее оговорку: «Никого не впускать, кроме...»

Получается, что за последнее время Ольга еще выше взлетела. Туда, где только звезды.

Интересно, а озвученное ею не так давно предложение насчет Короля Севера все еще в силе? А как проверить? Есть вариант, но он мне не очень нравится. Ха, ха. И еще раз ха.

Несильный, но звучный удар по моему наплечнику пришелся ровно в тот момент, когда лифт с металлическим скрежетом остановился, подняв нас в нутро сорокафутового контейнера. Часть металлической ребристой коробки отсутствовала, зияя рваными краями и открывая вид на полосу пляжа с белоснежным песком и лазурным морем.

Море, кстати, нарисованная голограмма, не искупаешься. Но выглядит реально – даже вот веришь, что настоящее. Мелкая волна на берег накатывается, чайки кричат. А если забрало поднять, наверняка соленым запахом гниющих водорослей пахнет.

Ткнул мне в плечо, кстати, Валера. Принц, видимо, ощутил эхо моей глубокой задумчивости, поэтому решил немного вернуть в реальность. Когда я оглянулся, он двумя пальцами показал себе на глаза (весьма условно, забрало шлема полностью глухое), а после ткнул в сторону моря, видимого у выхода из контейнера.

– Там картинка голограммы, а за ней трибуны, если что, – доверительно сообщил я Валере. – А нам, когда мы выйдем, нужно смотреть вон туда, – ткнул я большим пальцем за спину, в глухую стену контейнера.

Валера только вздохнул устало и покачал головой. Следующие несколько секунд оказались заполнены действием – всем нужно было зарядить оружие, убрать магазины и гранаты в держатели, карманы и крепления.

Когда бегущие цифры секунд близились к нулю, Валера сделал шаг вперед и карикатурным жестом исполнил пародию на поклон с салютом. Если проще – показал мне «ручкой» в сторону выхода.

Теперь уже Эльвира легонько ткнула Валеру в плечо, призывая вернуть серьезность. Обернувшись, Валера вытянул в ее сторону руку со сжатым кулаком. Перехватив винтовку, прижав ее к себе одной рукой, жест повторила Наденька, кулаком коснувшись руки Валеры. Мгновенье, и мы с Эльвирой сделали то же самое – так что на несколько мгновений четыре встретившихся руки образовали крест.

– Давайте просто выйдем и сделаем это, – сдержанно произнесла Эльвира. И коротко вздохнула – что выдало ее доселе скрываемое напряжение.

О том, что нас убивать будут сейчас, никто не думал. И не верил, все интересное явно планируется во втором раунде. Но первый раунд нам еще нужно выиграть, а учитывая анализ проведенных александровцами матчей – это задача непростая.

– Сделаем это красиво, – уточняя, добавил неунывающий Валера.

– Амен, – не удержался от комментария и я. А после как-то так получилось, что мы все обернулись к Наденьке. На миг девушка замялась, но так как время ожидания заканчивалось, произнесла она в спешке явно первое, что пришло в голову.

– Deus vult, – негромко сказала Надежда и моментально смутилась. За шлемом не видно, но наверняка до ушей покраснела, как с ней всегда и бывает в таких случаях.

Еще несколько секунд, после чего интерактивные цифры перед нами показали 00:00 и исчезли. Пропала и красная запретная отсечка на выходе из контейнера.

Безо всяких задержек все выскочили наружу, выбегая на песок пляжа. Мы с Эльвирой оббежали контейнер слева, Надежда с Валерой справа – заранее согласованный порядок движения, чтобы не толкаться. И сразу отсюда – мы оказались на пригорке, открылся панорамный вид на локацию.

Порт расположился на окраине города на африканском побережье. Зброшенного города – война прогнала из него большинство жителей. Даже здесь везде заметно ее эхо – то тут, то там виднеются воронки взрывов, следы разрушений, разбитая бронетехника.

Поодаль на мели завалился на бок огромный, размером с длинную многоэтажку, контейнеровоз. Корабль сильно накренился, но, несмотря на это, в его бортах хорошо заметны следы от пробоин и полосы гари от пожаров. Рассыпавшиеся разноцветные коробки контейнеров на скошенной палубе выглядели сломанным конструктором, по которому потоптался злой ребенок. Несколько десятков их криво раскиданы по берегу – по виду от взрывов на борту корабля сюда прилетели.

Порт, как и город, сейчас был практически заброшен – причалы разрушены и пусты. Функционировал лишь один, и без участия людей – для разгрузки хватало управляемых автопилотом автокрана и рич-траков, которые уже заканчивали ставить выгруженные красные контейнеры с гуманитарной помощью на платформы прицепов грузовиков. Именно эти грузовики через пять минут тронутся с места, а через десять должны подъехать к воротам выезда с территории порта.

Ворота, к которым двигались грузовики, и являлись нашей целью. Рядом с ними расположилось здание охраны, с заблокированным пультом управления. Который нам необходимо было разблокировать, открывая путь грузовикам с территории порта.

Отсюда, с места нашего появления, ворота не видны – расположены они за немалого размера скалой, возвышающейся прямо перед нами. Дорога в объезд обходила гору левее и шла через промзону с многочисленными ангарами – частично целыми, частично разрушенными, заполненными мешаниной вздыбленного взрывами железа и бетона.

К воротам можно было добраться не только по дороге. Стандартно, тремя путями. Первый путь, уже упомянутый, вместе с грузовиками, по промзоне. Второй, самый быстрый, лежал

по центру: напротив того контейнера, в котором мы появились, расположился парадный вход в здание администрации. Офисные помещения находились прямо в теле скалы, а через гору был проложен туннель. Двери в котором в большинстве закрыты, а пространства для маневра никакого. Прямой, но опасный путь – опять же все стандартно.

Выбежавшие в другую сторону от нас Валера и Надежда как раз сейчас направились на позиции, контролирующие оба этих прохода. Валера устремился к границе промзоны, а Наденька заняла позицию на одном из контейнеров, страхуя и его, и одновременно контролируя центральный выход из офиса администрации порта.

Наш же с Эльвирой путь лежал направо. Там, где гору можно было обойти по тропинкам пустынной местности, утыканной скалистыми выступами. Часть из которых мы уже миновали. Задействовав для бега энергоресурс бронекостюмов – приобретя скорость в ущерб уменьшению мощности щитов.

Мы успели. На тоненького, но успели. Эльвира даже, догоняя время, пробежала по практически отвесной стене и прыгнула на скалистую поверхность, присыпанную нанесенным ветром песком. Проехавшись по склону на подогнутой ноге, удерживая равновесие, она оказалась у разбитого давним взрывом на крупные осколки огромного валуна, наблюдая часть прохода. Вторую часть возможного появления александровцев уже контролировал я, заняв позицию чуть выше.

– На месте, – негромко сообщил я Эльвире.

Произнес только для нее – с помощью доступных функций тактической сети найдя иконку капитана команды на периферии зрения. Остальных отвлекать сейчас совершенно ненужно – Валера как раз в этот момент одну за другой закидывал флешку и две дымовые гранаты в промзону. Каждому из нас полагалось всего по одной гранате, но второй дым он у Наденьки отобрал. На бегу, сразу после начала матча – до момента старта перераспределять боеприпасы и гранаты было нельзя.

Сама Надежда сейчас лежала на крыше одного из контейнеров, контролируя и выход из офиса, и частично территорию промзоны.

У нас с Эльвирой все было чисто. Зря потратили энергоресурс, спеша занять позиции, – неправильно просчитали возможные действия противников. Досадно. Очень даже досадно.

Тишина вокруг стояла полная. Ни движения, ни дуновения ветерка. Тем громче слышались выстрелы, и ярче к восприятию замигала отметками тактическая карта: занявший позицию перед складами Валера обнаружил сразу троих александровцев. Гулко грохнула винтовка Наденьки, но противников – к моему огромному сожалению, меньше не стало.

Мы с Эльвирой в это время уже бежали вперед. Изо всех сил, снова используя ресурс брони и мощности экзоскелета. Потому что, если напротив Валеры на складах сейчас трое, значит, один противник или в центральном туннеле, или закрывает проход к воротам. Если он сейчас на базе у ворот, нам нужно как можно скорее реализовать преимущество два в одного.

Если же четвертый александровец в тоннеле, тем более действовать надо быстро – он может выскочить из офиса, а при удаче и скорости уйти из сектора обстрела Надежды. И окататься у Валеры за спиной.

– Центр! – видимо, об этом же подумала и Эльвира, скомандовав Наденьке держать на прицеле центральный проход.

Еще один гулкий выстрел снайперской винтовки, и на карте появилась и тут же исчезла отметка замеченного и ушедшего в тень противника. Действительно, появился он по центру, из офиса администрации. Надя опять не попала, просто спугнула – и сейчас спешно меняла позицию.

Да, мы прекрасно знали, что александровцы – которые на два года старше, по подготовке находятся на более высоком уровне от наших противников по нижней сетке. Но так убеждаться в этом все равно неприятно.

Второй подряд промах Наденьки – когда еще такое было?

Еще и Валера, судя по красному контуру его иконки, прилично выхватил в замесе и едва избежал смерти. Как бы дело не начало принимать... – едва появилась у меня на бегу крамольная мысль, как с другой стороны горы застучали очереди винтовок, а после упруго прогремел третий выстрел Надежды. Крамольные мысли у меня пропали, а у нас появилось преимущество четыре в три.

В это время мы с Эльвирой, пробежав вдоль скальной стены, уже были у массивных – высотой метров в пять, металлических ворот. Царевна на бегу сорвала со спины блок с лэптопом, забегая в небольшую будку без части стен, в которой находился пульт управления воротами. Но секундой раньше в домик залетела дымовая граната – я бросил.

Перед тем как домик и площадку рядом с воротами плотно заволокло клубами густого дыма, успел заметить, как Эльвира грохнула модуль ноутбука на приборную панель – техника военная, захочешь не сломаешь. Сразу после она быстро подсоединила кабель и активировала на экране процедуру снятия блокировки ворот.

Я в это время укрылся за штабелем ящиков, изображая мечущийся на ветру флюгер – по всем канонам место, где решалась судьба раунда, имело сразу несколько подходов. И если александровцы решат вернуться на базу – а они, скорее всего, так и сделают, то сейчас здесь может стать опасно.

Эльвира мне не помощник – у нее на экране одно за другим возникают всплывающие окна запросов, если не подтверждать их выборочно, процедура прервется и нужно будет начинать сначала.

Тридцать секунд на снятие блокировки ворот – кажется, целая вечность.

Противник появился за четыре секунды до конца. Вернулся тот, что шел через центр. Увидев краем глаза фигуру сбоку, я рыбкой нырнул вперед, в перекате разворачиваясь. Пули разорвали ящики в месте, где я только что был, а вот моя очередь была точнее. Я определенно попал, но из строя противника не вывел – получив пару пуль, александровец укрылся.

Впрочем, это не оказалось проблемой – совсем неподалеку хлопнул выстрел, и наше преимущество стало четыре в два. Представляю, как сейчас кричат комментаторы трансляции – Надя только-только выбежала из-за скального выступа, повторив наш с Эльвирой путь. И стреляла она навскидку – что, с учетом размера дына винтовки в ее руках, выглядело, несомненно, эффектно.

Но любоваться ее фигурой на фоне голубого неба долго не довелось – Надежда тут же упала, откатываясь в сторону. Вовремя: выбивая каменную крошку и пыль рядом с ней, засветили пули. Прицельные короткие отсечки очередей слышались со стороны промзоны, и длинная – на весь магазин, загрохотала за моей спиной. Из промзоны стреляла вернувшаяся к воротам пара александровцев – не покидавшая пока укрытий, а за моей спиной садил на подавление Валера, который прибежал следом за Наденькой.

Перекатившись из укрытия, я навелся по меткам в визоре и также выпустил оставшиеся в магазине патроны в ворота белого с потеками ржавчины ангара, где совсем недавно были замечены противники. Не попал, но шуму добавил.

Ф-фух. Пронесло.

Если бы возвращавшиеся по промзоне александровцы оказались быстрее хотя бы на пару секунд, кто знает, как оно все здесь сложилось. Спасло еще и то, что, когда Эльвира начала процедуру снятия блокировки, Валера с Надеждой оставили позиции и вернулись к нам. Очень вовремя – втроем александровцы могли меня зажать. Сейчас же, с преимуществом четыре в два, все гораздо лучше, чем вначале.

Роли поменялись – теперь мы обороняли ворота, а двое александровцев должны были вернуться на свою базу и прервать запущенный Эльвирой протокол. Нам нужно продержаться полторы минуты – именно столько времени необходимо воротам на то, чтобы открыться.

Вот такой хоккей нам нужен. Все очень и очень удачно получилось. Но расслабляться не время – даже вдвоем противники могут накидать нам проблем полную авоську. Александровцы действительно как противники оказались на голову выше всех тех, с кем мы раньше сталкивались.

И кажущаяся легкость нашего возникшего сейчас преимущества определенно следствие вмешательства Фортуны. Как Валера смог срисовать сразу троих противников и при этом не погибнуть, я даже не знаю. Чудотворец. И из-за его успеха мы с Эльвирой получили возможность для рывка, оперативно появившись на оставленной александровцами базе, перехватив инициативу.

– Надя склад. Артур, Валера центр, – скомандовала Эльвира.

Все правильно – если оставшаяся пара атакует со стороны промзоны, обнаружить и задержать их Надежда сможет. Со стороны пустынного склона наблюдает Эльвира. Выход же из спрятавшегося в теле скалы офиса совсем рядом, и нам его лучше держать вдвоем с Валерой.

Очень долго, буквально вынимая душу растянутым мгновением, потянулись секунды ожидания. В полной тишине прошло полминуты. Еще десять секунд. И еще.

Если противники на складах, сейчас должны попробовать атаковать. Если обходят через центр или склон, уже должны подходить.

Достав ЭМИ-гранату, я активировал запал и бросил в проход. Если атакуют, то сейчас.

– Свет! – предупредил я, отворачиваясь от прохода.

Сразу после гулкового хлопка и перемигнувшегося белым интерфейса визора – все же от взрыва мы находились недалеко, я высунулся из укрытия. И сразу увидел противников – как раз в коридоре тоннеля. Наши с Валерой выстрелы прозвучали одновременно. Вот только меня вдруг подняло, словно огромной рукой, и бросило на несколько метров вверх и назад. Это прилетела колотушка – полицейская граната, формирующая отталкивающий импульс.

Рухнув с высоты метров трех, я приземлился на гору строительного мусора. Запутываясь в сетке и замаравшись белой цементной крошкой, смог откатиться и уйти с линии огня противника. Но никто больше и не стрелял – александровцы, выскочившие прямо под вспышку брошенной мной ЭМИ-гранаты, даже будучи ослепленными, успели вернуться за укрытие. Явно паля при этом в белый свет как в копеечку.

Несмотря на взрывы гранат и плотный огонь с обеих сторон, мы сейчас даже не разменялись. Правда, мощности щитов у противников наверняка практически не осталось, оба они в коридорах офиса и под прицелом сразу четверых. Вероятно, поэтому самоубийственных попыток прорваться к воротам александровцы больше не предприняли. Но для верности в офис с нашей стороны поочередно, с интервалом, залетели еще две ЭМИ-гранаты – от Надежды и от Эльвиры.

«Команда Арктической императорской гимназии имени Петра Кузьмича Пахтусова одерживает победу в первом раунде!» – загорелось сообщение перед глазами и тут же продублировалось громким и жизнерадостным голосом диктора.

Едва его голос стих, как небо и окружающие пейзажи подернулись голографическими помехами холодного голубого цвета. Перед глазами в тактическом интерфейсе промелькнуло несколько предупреждающих сообщений, оповещающая о блокировке оружия. Сразу после и небо, и массивная вершина скалы, и далекие горы пропали – открывая вид на заполненные зрительными трибуны.

Земля под ногами начала едва вибрировать. Плита скальной поверхности, на которой мы стояли, начала усыхать, истончаясь и рассыпаясь в песок, – мы постепенно опускались ниже. Взыли порывы ветра, завалились стены домика с управленческим блоком ворот, завихрился небольшими, но плотными смерчами песок, исчезая в открывшихся в полу отверстиях.

Демонтаж локации – завораживающее зрелище. Задействовано в его организации больше сотни магов-практикантов – адептов школ Земли, Воздуха, Воды, Природы, а также универсалов. Действовали они все сейчас под присмотром высокоранговых наставников, и для них турнир – как и для нас, также является серьезным испытанием. Своеобразный экзамен, к которому приковано повышенное внимание и экзаменаторов, и зрителей. Все же процедуры возведения, а особенно уничтожения локации поражают воображение.

Совсем скоро демонтаж магически выстроенной локации закончился. На большой – больше футбольного поля, площадке арены остались аккуратно сложенные панели разобранных домов, несколько контейнеров, ворота с механизмом, рич-траки и колонна грузовиков с красными контейнерами. Они, изменив направление движения, уже катились к открытому выезду между секторами трибун. Откуда уже выезжали другие машины – для того чтобы погрузить и увезти оставшиеся контейнеры, ворота, сложенные панели, а также модули офисного строения.

Сейчас, когда созданная повелителями стихийной силы Земли скала перестала существовать, превратившись в песок, центральный проход офисного коридора виден как на чертеже, оставшись на площадке угловатым голым каркасом.

Александровцы между тем, даже двое их «убитых», уже пришли в себя и собрались тесной группой. Рядом с ними сутились техники группы обеспечения, подготавливая новые бронекостюмы для всех – все же даже выжившим щиты мы выбили почти полностью.

– Эльвира, – остановил я нашего капитана сразу после того, как она сделала первый шаг.

– А?

– Давай я схожу.

Несколько секунд раздумья.

– Давай. Спасибо.

– Алоха, – усмехнулся я и, отдав винтовку Валере, быстрым шагом направился в сторону команды противника.

Действительно, лучше мне к противнику с такой новостью идти. Даже несмотря на то, что наш капитан – Эльвира.

Глава 5

– ...согласно данным проверки, инициированной Министерством природоохранной деятельности, полет по незапланированной траектории не был вызван технической необходимостью. Более того – подобное вопиющее нарушение произошло с прямой санкции руководства авиакомпании.

Глава администрации президента Российской Конфедерации на краткий миг прервался. Он, уже не один десяток лет работающий с российским Императором (который должность президента Российской Конфедерации занимал по совместительству), правителя давно изучил. И глава администрации сейчас видел и понимал, что Император его слушает, но в озвучиваемое не вникает – глядя в одному ему видный и слышимый экран.

Государь не слушал главу своей президентской администрации и в слова его, судя по виду, особо не вникал. Но, как оказалось, все слышал.

– Я не прокурор и не следователь, поэтому могу дать лишь моральную оценку. Сам сформулируй, пожалуйста, – произнес государь и жестом показал, какую именно его оценку нужно сформулировать для действий растерявших все берега воздушных чиновников.

После этого Император чуть приподнял два пальца, призывая докладчика подождать пару минут. И снова вернулся взглядом к экрану, видимому и слышимому только ему – изображение подавалось через небольшой голопроектор на столе, с направленным звуком.

Исполняя пальцами по столешнице ритмичный перестук (житель соседнего мира узнал бы в этом ритме имперский марш), Император наблюдал начало второго раунда стыкового матча между командами Арктической гимназии и Александровского училища.

И даже не сильно удивился, когда, нарушая все правила поведения, от своей команды отделился Артур Волков (кто бы сомневался) и торопливо направился к противникам. Вот он уже рядом с ними и, подняв забралю, жестом попросил капитана команды-соперника сделать то же самое. Встав вплотную с александровцем, Волков быстро ему что-то сказал, а после без задержек направился обратно к своим.

Дальнейшие события оказались не очень понятны – капитан александровцев запросил тайм-аут, который был им предоставлен после подтверждения от соперников. Встав в круг, сдвинув шлемы с поднятыми забралами, курсанты Александровского училища принялись совещаться.

Заинтересованный Император даже включил заблокированный ранее голос комментаторов. Но обслуживающая матч пара дикторов также не имела понятия, о чем Волков сообщил сопернику и что именно александровцы сейчас обсуждают.

Громкие голоса, переросшие в истошные крики, дикторов во время первого раунда правителя серьезно раздражали, и он отключил звук. Сейчас же, несмотря на неприязнь к голосам работающей на матче пары, отключать больше комментаторов не стал. Все же у них есть доступ ко всей информации по ходу уже поехавшего не по привычным рельсам матча, может что и скажут. Звук только потише сделал.

Десять минут тайм-аута закончились, еще несколько минут прошло в ожидании соблюдения всех формальностей и доставки команд вниз, в коридоры локации Крыша. И едва началась стартовая процедура, Император еще больше приглушил звук. Почти до минимума – потому что то, что делала команда Арктической гимназии, не вписывалось ни в какие рамки, вызвав уже не просто громкие крики, а самые настоящие изумленные вопли комментаторов.

Едва закончились отведенные на подготовку тридцать секунд, события в матче понеслись с места в карьер. Наблюдая, как почти сразу погибли практически в упор расстрелянные Волков и Медведев, Император невольно сжал перьевую ручку. Когда матч закончился – даже минуты не прошло, и победившая четверка обнялась, поздравляя друг друга, остатки сломан-

ной ручки (Caran d'Ache, подарок президента Третьей Французской республики, стоимость более F500 000) полетели по столешнице.

– Ах ты ж... – негромко, сквозь зубы, выдохнул Император.

Наблюдавший за ним глава администрации уже сидел затаив дыхание – очень давно он не видел правителя в таком состоянии. Император между тем собрался было выключить трансляцию, но задержался – слушая озвученные предположения комментаторов. Внутренне он было даже с ними частично согласился, как вдруг вспомнил неоднозначный момент в начале раунда. И о чем сказал Волков противнику, государь уже догадывался.

Быстро хлопнув по области с управленческим меню на столешнице, Император инициировал вызов одного из доверенных людей. Бригадный генерал князь Александр Васильевич Кузнецов в виде голограммы практически сразу появился на отведенном ему месте – пятое кресло по левую сторону совещательного стола.

Расположившийся на втором кресле, также с левой стороны (справа традиционно сидели имперские военные и чиновники), глава администрации на бригадного генерала даже глазом не повел, делая вид, что весьма занят изучением сводки в планшете.

Вытянувшийся во фрунт князь Кузнецов был в полевой форме и слегка растрепан. Хотя лихо заломленный берет держался безукоризненно – видимо, секундная задержка и оказалась вызвана тем, что бригадный генерал его надевал, идеально выверяя положение кокарды с эмблемой ССпН.

Заметив на левой руке Кузнецова кровь, Император удивленно поднял брови. Князь не опуская глаз понял, что вызвало удивление государя, и моментально поменял позу – убрал руки за спину и сделал приставной шаг, встав «ноги на ширине плеч».

– Занят сильно? – для проформы спросил Император.

– Никак нет, ваше императорское величество.

Государь повернул к бригадному генералу и главе президентской администрации экран проекции – так что полнейшая тишина в кабинете сразу наполнилась все еще продолжающимися истошными криками комментаторов и отзвуками дымного следа недавно одержанной победы.

Отмотав воспроизведение к началу второго раунда, Император остановил видео на моменте, когда Волков разговаривал с капитаном александровцев.

– Выясни, что он ему сказал, – обратился Император к своему генералу.

– Будет сделано, ваше императорское величество.

Голограмма бригадного генерала моментально потускнела, но не исчезла полностью. Отсутствовал Кузнецов всего две с половиной минуты – именно столько ему потребовалось, чтобы узнать ответ. Выслушав и поблагодарив князя, тут же отключившегося, Император повернулся к главе администрации. Секундная заминка – государь думал, как сформулировать мысль в слова. Но в этом, как оказалось, не было нужды.

– Вы не являетесь организатором турнира, поэтому можете дать лишь моральную оценку предложения о дисквалификации команды Арктической гимназии, – произнес глава администрации.

– Именно так, – кивнул Император.

Его собеседник сразу же поднялся и покинул кабинет. Когда за ним закрылась дверь, Император откинулся на спинку кресла.

Ах ты ж... с-сучий потрох, – беззлобно и практически беззвучно пробормотал государь.

Это его восклицание было собирательным выражением эмоций – и к бригадному генералу, который, вопреки негласному запрету, продолжал спарринги с боевыми андроидами, и к главе своей президентской администрации, который понимал его уже не с полуслова, а заранее озвучивал еще даже не переложенные в слова мысли. И, конечно, к Артуру Волкову – кото-

рый, в очередной уже раз, сумел всех удивить и превратить такой удивительно стройный план в охваченный пожаром бордель.

Глава 6

– Я и Зарипова будем без брони и без оружия, – произнес я, глядя сияющим желтым пламенем взглядом на соперника, с которым мы стояли вплотную. И продолжил: – Медведев и Кудашова выйдут без бронекостюмов, но с винтовками. Зарипова – Менталистика, Медведев – Природа. Он оборотень, черный ягуар, но перекидываться по первичному плану не будет. Дальше как пойдет.

– Кудашова? – только и спросил капитан команды соперника.

– Она по-прежнему просто хорошо стреляет. Щиты у всех – двойной стандарт.

Теперь все сказал. Только о том, что я планирую в грядущем поединке оперировать стихийной силой Огня, вслух сообщать не стал. Но и нужды в этом нет – и так все признаки налицо, как говорится.

– Принял, – после небольшой заминки произнес капитан александровцев.

– Можете запросить тайм-аут, мы протестовать не будем.

О том, что после услышанного у александровцев еще есть вариант отказаться от проведения раунда, вслух говорить я не стал. Чтобы никого не оскорблять.

Мой визави между тем кивнул, показывая, что все понял и принял к сведению. Я сразу опустил забрало и только после сделал шаг назад. Все же скрывать горящие стихийной силой глаза до этого момента – с самого утра, оказалось весьма непросто. И не хочется, чтобы их увидели сейчас, за пару минут до начала второго раунда.

Когда вернулся к своим, мы десять минут стояли и молча ждали, пока александровцы – сгрудившиеся в кучу, закончат короткое совещание. Отказываться от проведения раунда они не стали. Хотя формально и могли это сделать. Но подобного решения капитана не поняла бы даже собственная команда, на что и был наш расчет. И после того как закончилось время запрошенного александровцами тайм-аута, обе команды прошли по указаниям распорядителей арены к площадкам лифтов.

Карта Крыша, несмотря на высокое название, находится внизу. И зрители сейчас будут наблюдать за происходящим в ее коридорах на полноразмерной голограмме, созданной сверху здесь, на площадке арены.

– Ни пуха нам, – произнесла Эльвира, когда лифт повез нас вниз.

– Поехали, – произнес я практически одновременно с ней.

– К черту, – машинально ответила на фразу Эльвиры Наденька.

– Артур, ты как всегда в тему, – засмеялся Валера.

Впрочем, едва платформа остановилась, время веселья прошло, уступив место действию.

Аварийно отключить энергетический контур бронекостюма – та еще задачка, а нам нужно успеть сделать, кроме этого, еще много чего, и все за тридцать секунд. Поэтому, когда лифт остановился, практически одновременно мы начали бить развернувшихся к нам спиной девушек. Я Надежду, Валера Эльвиру – выбивая сзади плечевые, а после поясные стопоры.

Двадцать восемь секунд.

Им нужнее – вступить в бой обеим придется раньше нас. Снимали экипировку девушки спешно – отброшенные шлемы покатались по полу, полетели вниз искрящиеся голубыми искрами наплечники, пояса, поножи.

Я в это время от души врезал Валере по стопорам, а он мне – и сразу мы принялись освобождаться от доспехов. Даже рекорд поставили, превысив контрольное время практически на секунду. Секундомера у меня нет, но я такое инстинктивно ощущаю.

Девятнадцать секунд.

С оружием остались Валера и Надежда. Валере проще – прицельные планки никто не отменял. Оптического же прицела на винтовке Надежды отродясь не было – с меткой интер-

фейса тактической сети в нем нет нужды. Поэтому только у Наденьки остался предмет экипировки – прикрепленный полуобручем к левому уху блок визора, голубая полоска которого горела перед ее глазами.

Визор в ее бронекостюме сегодня ночью заменил Накамура. В курс дела его не вводили, попросили только сделать это, отговорившись кажущимися Надежде помехами. Вопросов японец не задавал – всем в армии известно, что снайпера народ особенный, со своей музыкой в голове. Так что, если сказано, что помехи есть, значит, они есть – как тот суслик, которого не видно. Так что теперь, после вмешательства Накамуры, есть все основания надеяться, что винтовка Надежду не подведет.

Пятнадцать секунд.

Полностью скинув доспехи, мы с Валерой – в отличие от девушек, раскидавших элементы брони по всей комнате, свои бронекостюмы аккуратно сложили отдельно, как готовый к сборке конструктор.

Эльвира уже создала двойной, блеснувший лиловым стихийный щит вокруг Надежды. Я создал такой же, только с оранжевым отблеском, наложив его на Валеру.

Одиннадцать секунд.

На себя щит наложить не успел. Надо не забыть про него после начала раунда – а сейчас мы с Валерой замерли перед разложенными доспехами. Между нами встала Эльвира – царевна уже находилась в состоянии максимальной концентрации. Глаза ее не просто сияли, а горели лиловым пламенем – тонкие языки которого прижимались к лицу, поднимались к вискам и волосам.

Мимо пробежала Наденька – занимая позицию прямо перед красной ограждающей стеной. Я скользнул взглядом по ее фигуре, затянутой в контактный комбинезон. Ничуть не скрывающий, а только подчеркивающий формы. Не мог этого не сделать – такая красивая девушка с огромными глазами, распущенными волосами, большой винтовкой, еще и затянутая в черный облегающий костюм даже в такой ситуации вряд ли кого оставит равнодушным. Хорошо, что мужские варианты контактных комбинезонов несколько по-иному выглядят – и мы с Валерой на танцоров балета сейчас не похожи.

Впрочем, когда Эльвира – аура которой уже буквально дышала силой, опустилась между нами с Валерой на колени, все лишние мысли я отбросил. Сейчас нужна максимально чистая голова.

Я потянулся правой рукой к Эльвире, раскрыв ладонь и повернув ее вниз. Валера сделал то же самое, но левой рукой – в правой у него винтовка. Эльвира же в этот момент, словно сошедшее с гравюры индуистское божество, подняла обращенные вверх ладони, соединяясь с нашими руками. Глаза царевны уже были закрыты, но даже так по ее лицу гуляли змейки лиловых отсветов фиолетового пламени.

Восемь секунд.

Застыв без мыслей, словно шагнув в пустоту, я постепенно почувствовал наваливающуюся по всему телу тяжесть. Слово меня обматывают эластичными бинтами, как мумию.

Еще мгновением позже краем глаза увидел, как на мне один за другим появляются фантомные элементы доспеха. Эльвира, уже создав наших двойников, держала сотворенные иллюзии нераздельно с нами, буквально надев их на каркас наших энергетических каналов. И теперь «надевала» на двойников элементы доспехов, опять же иллюзорные.

Три секунды.

Конечно, Эльвира могла сотворить простых фантомов. Без подобной затратной процедуры – на создание наших двойников она расходовала все силы своего Источника. Но простой фантом вычисляется оптикой визора, а даже если нет – это становится понятно после первой же пролетевшей насквозь пули. Нам же была нужна достоверность. И не только выглядеть, но и

действовать напитанные силой неиллюзорные двойники должны были реалистично. Жизненно нужна нам их достоверность, я бы даже сказал.

После того как раздался оповещающий о начале раунда ревун, царевна распахнула ярко полыхнувшие лиловым пламенем глаза и с громким пронзительным выдохом – как отбивающая мячик Мария Шарапова, прынула вперед. Размыкая наши сцепленные руки, она запустила вперед две созданные иллюзии.

Сразу после того как двойник отделился от моего тела, я невольно шагнул за ним следом и громко выдохнул. Ощущения оказались сродни тем, что испытываешь, когда из горла и пищевода вынимают шланг гастроскопа. Вот только сейчас болезненно потянуло по всему телу – вырывая двойника сразу отовсюду.

Но времени отвлекаться на неудобства не было. Едва наши двойники выбежали из зала, мы с Валерой – судя по сдавленному вскрику, он тоже мало приятного почувствовал, бросились вперед. Принц не оборачивался во вторую форму, но движения его были нечеловечески быстрыми – на мир он теперь смотрел взглядом желтых звериных глаз.

Входя в скольжение, я успел заметить, как созданные Эльвирой фантомы перепрыгивают через перила и без затей устремляются вперед, по прямой через обширный зал локации.

Моментально загрохотали выстрелы со стороны противника – пробегая по левому коридору, я успел заметить огни вспышек с противоположной галереи. Почти сразу противников стало трое – включилась в дело Наденька. Тактической сети нет, прямо я этого не видел, но ошибиться невозможно. Слишком характерны наложившиеся друг на друга гулкий хлопок выстрела ее винтовки, звук падения тела и прервавшаяся, ушедшая в потолок очередь.

Мы остались три в три – Эльвира, создавшая живые иллюзии, оказалась полностью истощена и жестом сейчас должна показать, что из игры выходит. Можно считать, что уже разменялись. И еще можно быть уверенным, что один из нас точно сегодня не умрет.

Момент гибели фантомов оказался мной очень хорошо прочувствован. И сразу после этого и александровцы в тень ушли, и Надежда больше не стреляла. Сменила позицию, не рискуя. Теперь решающее слово оставалось за нами с Валерой.

Принц двигался по коридорам справа, я слева. И уже был на лестнице, ровно в середине ведущего к базе противника коридора. В том же самом месте, как в самом первом поединке с семипалатинцами, подходя к перекрывающей коридор двери.

Сформированный на бегу огненный шар я кинул словно выполняющий пенальти гандболист. Ударившись в дверь, файербол снес ее с петель, уничтожая, и весь коридор – до самого выхода на базу противника, стал вмещилищем гудящего пламени.

Щиты бронекостюмов такое из строя не выведет, но некоторый урон все же нанесет. Но не это было моей главной целью. До этого момента передвигался я базовым скольжением первого уровня, без ускорения времени – чтобы не рассказывать зрителям обо всех своих способностях. Но, оказавшись среди ревающего пламени, уже не сдерживался. Тем более что и двоих противников, оказавшихся в огне, я видел. Вернее, чувствовал, практически осязал – как летучая мышь, просвечивающая эхолокатором пространство перед собой.

Стремительно, уже обычным скольжением – доступным только одержимым, я за краткий миг переместился метров на пять и оказался рядом с идущим первым в огне александровцем. Перехватив его руку, по инерции двигаясь дальше, я развернул противника танцевальным пируэтом в обратную сторону. И – поверх его пальца, нажал на спуск.

Обычный человек не смог бы такое исполнить – просто не хватило физических сил справиться с экзоскелетом бронекостюма. Но я был необычным человеком и тем более действовал очень быстро – много быстрее обычного времени.

Среди бушующего огня время для меня текло невероятно медленно, и я видел, как пули одна за другой вылетают из ствола винтовки, со вспышками касаясь щитов второго александровца. И когда первый уровень его защиты перестал существовать, отвел оружие в чужих

руках в сторону. Стрелять, кстати, винтовка не прекратила – ну, так и есть, никаких блоков. Если бы ствол в сторону не увел, торс второго александровца сейчас просто превратился бы в фарш.

Еще один танцевально-борцовский пируэт, после которого избавил противника от винтовки. Еще один – это я уже уперся спиной в стену и ударил отпущенному александровцу в грудь ногами, выпрямляясь как пружина. Пробив стену, противник вылетел в большой зал, увлекая за собой языки угасающего пламени. Выстрел Наденьки сбил его на лету – изменив траекторию почти на девяносто градусов и заставив проскользнуть к дальней стене.

Рядом уже лежал последний александровец, четвертый. Он упал с противоположной от меня галереи второго этажа, на которой сейчас стоял Валера. Немного помятый, немного окровавленный, но руки-ноги на месте. Увидев меня, появившегося в клубах черного дыма из полыхающего коридора, Валера мягко прыгнул вниз. И торжествующе улыбнулся.

Я не мог не вернуть ему улыбку. Все же скольжение – практика, в совершенстве покоряющаяся только одержимым, и слияние со стихией, что могут только одаренные, в комплексе вызвали у меня просто всплеск эндорфинов. И сейчас явно потребуются серьезные усилия, чтобы удержать себя в руках.

– Touchdown! – не в силах справиться с эмоциями, от избытка чувств сообщил я всему миру и добавил эмоций жестом победившего в ринге бойца. Валера, оказавшись рядом, как-то естественно отбил мне пять.

«Ну debil», – вдруг вспомнив о важном и так и не сделанном деле, не смог я не сказать самому себе.

«Кто?» – напрягшись, поинтересовался услышавший меня Валера. Но почти сразу понял, о чем и о ком это было сказано.

«Артур, да я и не сомневался. Просто молчал из вежливости».

Отвечать и тем более конкретизировать я не стал, чтобы не признавать очевидное. Стихийные щиты на себя надеть ведь так и забыл.

– Команда Арктической императорской гимназии имени Петра Кузьмича Пахтусова одерживает победу во втором раунде и в мачте! Чистая победа!

Голос диктора по-прежнему звучанием казался одинаковым с предыдущими объявлениями. Почти одинаковым – я все же смог услышать в нем некоторое замешательство.

Сразу после прозвучавших слов мы с Валерой одновременно развернулись и побежали к нашей базе. Я заскочил по лестнице, Валера же не утруждался – оказался наверху раньше, мягким прыжком преодолев метров шесть вверх, приземлившись на перила.

Когда я забежал в стартовое помещение, Валера уже придерживал Эльвиру. Царевна была бледна как смерть, отчего текущая из носа кровь выделялась гораздо ярче. Но, судя по дорожке красных капельных клякс, покинула место создания фантомов самостоятельно, укрывшись за углом.

Вернулась и Наденька, которая неожиданно завизжала и обняла нас всех троих. Все же эмоции перехлестывали через край не только у меня – пусть наша жизнь весьма насыщена, но подобное происходит не каждый день.

За радостью от победы от нас ускользнул тот факт, что организаторы не сразу вывели результаты раунда на табло. Уже после, в раздевалке, Модест сообщил, что произошла заминка минут на пять. И, как ему показалось, комитетом организаторов решался вопрос о нашей возможной дисквалификации.

«Да я бы их сам дисквалифицировал», – примерно так, только прилично и на сухом канцелярском выразился полковник Николаев после предположений Модеста. Но, видимо,

справились и без нашего тренера, мастера-наставника и навигатора. Победу, после некоторой задержки, признали.

В принципе, у меня в этом никаких сомнений не было. Ведь Моисей Яковлевич, спешно вызванный в Москву, вчера всю ночь сидел с правилами турнира, изучая все возможные варианты. После чего безапелляционно заявил, что никто нас ни в чем обвинить не сможет. Вернее, обвинить-то сможет, но не сможет добиться желаемых результатов.

Мы, по идее, даже могли александровцев не предупреждать. Но не сообщить им о наших планах не могли – это уже был долг совести. Такой же, который не дал им отказаться от проведения раунда, когда я сообщил, что команда будет использовать стихийный дар, а не технологии.

Усталость от двух раундов была столь велика, что, ожидая отправленных на пресс-конференцию Модеста и Илью, все сидели в раздевалке. Мы с Валерой просто отдыхали, а Ольга окончательно приводила в порядок Эльвиру. И в этот момент у меня завибрировал в кармане ассистант.

– Господи боже, – только и сказал я, увидев одновременно два входящих вызова.

Со мной прямо здесь и прямо сейчас желали поговорить Анастасия, княжна Юсупова-Штейнберг, и леди Саманта, которая официально пока просто Саманта Дуглас.

Глава 7

– Ну и на хрена мне был нужен этот бутерброд? – забывшись, что у меня уже давно новая жизнь в новой реальности, от удивления я даже вспомнил не особо приятный момент из прошлого.

Будь сейчас в обычном состоянии, несомненно промолчал бы и сохранил спокойствие. Но меня до сих пор накрывала эйфория от успешного одновременного использования силы темных искусств и владения элементарной стихией, так что бывшие через край эмоции было не удержать.

– Что за бутерброд? Ouch!.. – заглянул в мой ассистант оказавшийся рядом Валера. – Good luck, – пожелал он мне удачи и торопливо отошел в сторону, мягко увлекая за собой заинтересовавшуюся, даже встревожившуюся моим напряженным состоянием Эльвиру. Не дав ей при этом, молодец какой, заглянуть в экран моего ассистанта.

И кому ответить?

Без сомнений, дело срочное – у обеих. Иначе не стали вот прямо так вызывать, отправили бы запрос или сообщение. И самое печальное – ведь не сделать вид, что вызова я не вижу: и Анастасия, и Саманта сейчас наблюдают по моему статусу, что я не только доступен, но и вижу их вызов.

В принципе, долго не думал. Анастасия на меня (пока) не обижена, а еще сильнее расстраивать черную принцессу, с которой мы к тому же одной крови, не хотелось. Да и не думаю, что у нее сообщение длиннее пары фраз. И более того, я даже хорошо представляю, что Саманта мне хочет сказать.

– My lady, – ответил я на вызов принцессы.

– My lord, – сверкнула голубыми глазами смуглянка.

– Приятно удивлен.

– Я тоже, – перешла Саманта на русский. – И, признавая ошибку, теперь боюсь, как бы уже мне самой не пришлось тянуться до небес, – улыбнулась принцесса, намекая на наш первый разговор под сводами Республиканского дворца.

«Думаю, через несколько лет будешь достоин того, чтобы я обратила на тебя внимание», – скучающим тоном во время нашего танца сказала она мне тогда, начиная весьма занимательно продолжившуюся беседу.

Сейчас же, еще раз улыбнувшись, Саманта согнала устроившегося у нее на коленях пушистого кота – который при этом возмущенно мявкнул. Не обратив на животное внимания, принцесса послала мне чувственный воздушный поцелуй. После чего, подмигнув, отключилась.

Ну... если честно, думал, будет просто «спасибо». Но я-то человек простой, не то что эти царерожденные, так что просто сказать «спасибо» ей, видимо, показалось недостаточным.

А говорить спасибо было за что: Адольф, отправленный мною прочь из Москвы, еще вчера утром был в Архангельске. Кот Муся, который не мой, а ходит сам по себе, вернулся вместе с Адольфом в Архангельск и сразу после этого направился в небольшую деревянную англиканскую церковь, что находится на берегу Северной Двины. Туда, где действовал контролируемый англичанами портал в Инферно.

Как дальше демон Мархосиас доберется до принцессы, я не знал, дал указание действовать по обстоятельствам. Которые явно сложились благоприятно, и кот добрался до принцессы вовремя.

Мне показалось это лучшим из возможных вариантов предупредить Саманту о, возможно, грозящей ей опасности. О том же, что опасность угрожает и ей, у меня присутствовали вполне обоснованные подозрения. Потому что все больше кажется, что весь этот турнир

не только способ показать превосходство дисциплины и технологии над одаренными на поле боя, но и завуалированная пока атака на сильных одержимых. А Саманта, как и я, потенциально одна из самых сильных в мире из владеющих темными искусствами.

И не воспользоваться возможностью ее предупредить я не мог. Все же мы с британской принцессой, во-первых, одной крови; во-вторых, она в сложный момент пришла нам на помощь; ну а в-третьих, мы с ней еще не дотанцевали.

Обдумал я все это гораздо быстрее действий – потому что уже принял звонок Анастасии.

– Привет, – едва исчезло интерактивное окно вызова Саманты, появилось следующее.

Успел.

Княжна, в отличие от благожелательно расслабленной Саманты, была предельно собрана и, по-моему, серьезно напряжена.

– Артур. Привет.

Случилось что? Да наверняка.

Причем сразу много всего случилось и уже давно – понял я, когда княжна посмотрела на меня. В ее взгляде прекрасно прочитал – проблема не одна, а много, на любой вкус. Просто Анастасия, видимо, уже, как и я, живет в постоянном напряжении.

– Настя. Неожиданно, привет.

Анастасия даже вздрогнула, когда назвал ее Настей. Княжна хотела было что-то сказать, но сразу не нашлась и просто пожала плечами.

– Артур, у меня к тебе просьба. О помощи.

– There's no case too big, No case too small...

– Что?

– ...When you need help just ca-all. Ch-Ch-Ch-Chip 'n' Dale, к вам спешат, Чип-Чип-Чип-Чип и Дейл, лучше всех... Хм, прости, у меня остаточное после...

После чего – не смог сразу сформулировать. Но до сих пор меня накрывал душевный эмоциональный подъем после того, как немного поджег – в прямом и переносном смысле, все вокруг себя.

– Поздравляю, это было красиво, – кивнула Анастасия, заполняя возникшую паузу.

– Спасибо, – довольно серьезным усилием вернул я себя в рабочее состояние. – Так о чем речь?

– Твои прогнозы по состоянию дел...

– Какие прогнозы?

– Санкт-Петербург, гостиница Астория, – напомнила княжна.

– Санкт-Петербург, гостиница Астория, – повторил я задумчиво, совершенно не понимая, о чем речь.

Даже нахмурился, собирая мысли в кучу между бровей. Как ни странно, помогло – практически сразу же вспомнил: Санкт-Петербург, гостиница Астория и ночь в ней перед тем, как мы с княжной на желтом феррари гоняли по улицам города.

Тогда я, пользуясь полученным от озаренной сестры Анны Николаевны доступом, изучил состояние княжеского рода. А после немного рассказал Анастасии об особенностях умелого эффективного управления.

– Вспомнил. И что мои прогнозы?

– Начинают понемногу сбываться. У нас проблемы на Терминале Мокрый Батай.

Хорошо, что я на звонок Саманты сначала ответил. Анастасия, увидев, как я только руками развел, быстро повернулась к меню рабочего пространства и отправила мне метку на карте.

Терминал Мокрый Батай. Крупный узловый транспортно-логистический комплекс, находящийся рядом с одноименным городком в Области войска Донского, как в этом мире непривычно называлась привычная мне Ростовская область.

Беглый взгляд по поясняющим показателям статистики, и я понял, что в этом мультимодальном терминале концентрируются основные маршруты перевозок компании Юсуповых-Штейнберг на Юге России. И понял, почему до этого момента информация о терминале обходила меня стороной: складской комплекс являлся частью транспортной компании, которая до недавнего времени находилась под внешним управлением имперских чиновников – когда Анна Николаевна находилась под следствием.

– Что за проблемы?

– Завтра утром профсоюз организует забастовку.

– Чем я могу помочь?

– У рода Юсуповых-Штейнберг сейчас... эпоха перемен, так скажем. Времени на все не хватает. Ни я, ни Михаил Сергеевич не сможем быть завтра в Ростове-на-Дону, у нас важные протокольные мероприятия. Ты можешь завтра утром отправиться в Батайск и договориться с профсоюзом о том, чтобы работа не останавливалась?

Надо же. Анна Николаевна, получается, настолько занята, что возможность ее прибытия на терминал вообще не рассматривается. Но это я подумал мельком, а из услышанного удивило лишь только то, что Власов уже в устах княжны стал Михаилом Сергеевичем. Еще месяц назад Анастасия сказала бы «мой новый управляющий».

В остальном все довольно рутинно. И объяснять, зачем срочно договариваться с бастующими, тоже не было нужды: после освобождения Анны Николаевны транспортная компания была возвращена роду из-под внешнего управления. И сейчас любая задержка очень серьезно может отразиться на репутации. Тем более что именно через этот терминал идут грузы по имперским господрядам.

Мыслей отказать Анастасии в просьбе даже не мелькнуло – как-никак, это, вообще-то, и мое имущество, и мои доходы (пусть и будущие), и моя репутация. Но после начала тренировок с Николаевым я полностью уже себе не принадлежу, поэтому сразу ответ дать не могу.

– Я готов прибыть в Батайск. Но ситуация такова, что обстоятельства могут быть сильнее. Для ответа мне нужно несколько минут.

Кивнув, Анастасия отключилась.

Полковника я нашел довольно быстро и изложил ему обстоятельства, кратко требующие моего присутствия. Секундная задумчивость, и он пожал плечами.

– Быть в Глазеве до двадцати одного ноль-ноль, – только и ответил Николаев.

«Глазев?» Значит, мы в Архангельск не летим, а возвращаемся на полигон Сарай-Джук. Интересное кино, хотя и предсказуемое.

Перед тем как выйти из номера Николаева, я чуть задержался. Ожидал, что, может быть, он скажет о событиях в других поединках. Ведь все стыковые матчи проходили в одно и то же время. И если не мы одни были кандидатами на заклятие, значит, запланированное убийство уже должно было случиться.

Еще ожидал, что Николаев задаст мне вопрос насчет того, что я в срочном порядке отослал в Архангельск Адольфа, а кота-демона в Инферно. Но полковник молчал и лишь вопросительно глянул на меня. Словно спрашивая, что я еще здесь забыл.

После того как переговорил с Николаевым, отправил Анастасии сообщение, что завтра утром в Мокрый Батай прибуду, и отправился искать остальную команду. Обнаружились все в ресторане. Ильи только не было, а так остальные в сборе – даже Ольга присутствует. Очень, кстати, в тему.

Присев за стол, я попросил Ольгу немного нас закрыть, после чего она легким жестом поставила купол завесы. Едва мы оказались отделены от всего мира подернутым маревом куполом, из-за его границы послышался глухой звук удара и сдавленный вскрик.

Обернувшись, мы все увидели, как от пелены завесы, держась за нос, пятится человек. Видимо, в момент постановки Ольгой купола он быстрым шагом стремился к нашему столу.

И немного не успел. Интересно, а мог его купол на несколько частей разделить, если бы незнакомец оказался чуть быстрее? – мелькнула у меня мысль.

– Этот-то что здесь делает? – удивилась Эльвира.

– Господи боже, – в тон ей произнес Валера.

Созданный Ольгой купол напоминал стекло, по которому стекает вода, но за маревом все же были заметны очертания. И когда я присмотрелся, узнать Дариуса Орбакаса, который врезался в защитный купол, труда не составило.

– Опять этот долбак... – в сердцах вздохнула Надежда. И тут же смутилась под нашими взглядами.

– Артур, так что ты хотел сказать? – отвлекая наше внимание от потирающего нос коллежского секретаря, обратилась ко мне Ольга.

– Завтра утром команда отправляется на полигон Сарай-Джук, – сообщил я.

– Оповещения еще не было, – удивилась Ольга.

– Будет. Я к чему – в Глазьев по плану прилечу только вечером.

– По плану? – интонацией совершенно недвусмысленно обозначила Ольга все, что думает об особенностях моего планирования.

– Обычная рабочая поездка, – уверенно сообщил я.

– То есть существует надежда, что ты вернешься бодрым, свежим и невредимым?

– Определенно.

– Мы можем не волноваться?

– Да, за меня можно не волноваться, – уверенно кивнул я.

С собой намеревался взять Иру и всю группу Измайлова, так что никаких эксцессов не ожидал. Добираться до Мокрого Батая также намеревался вполне цивилизованно, а не как обычно. И поэтому тем более никаких проблем не планировалось.

– Будем надеяться, – только и кивнула Ольга.

Пристально посмотрев на меня и увидев по ответному взгляду, что все, что хотел сказать, я сказал, она сняла защиту.

Несколько минут мы просто обедали, переговариваясь обо всем и одновременно ни о чем. До того момента, как нас отвлек Орбакас.

– Добрый день, дамы и господа, – мелкими шажками приблизился к столу пришедший в себя коллежский секретарь, явно опасаясь вновь удариться о выставленную защиту.

– Вы что-то хотели? – холодно поинтересовалась Эльвира. Орбакас при этом вздрогнул – царевны он, после ее давнего предупреждения, видимо, до сих пор всерьез опасался. Но раз осмелился подойти, да еще отвлечь, значит, повод действительно есть.

– Спешу доложить, что по распоряжению Татьяны Николаевны Зориной, директора императорской Арктической гимназии имени Петра Пахтусова, с сегодняшнего дня я имею честь быть приписанным к штату сборной команды гимназии по практической стрельбе.

«Та-атьяна Николаевна! А вот это очень грязный прием!» – мысленно расстроился я. Понятно, что коллежский секретарь ей наверняка душу вынул, но подбрасывать нам такую свинью... это... не знаю, что это, но точно ничего хорошего в этом нет. Видимо, я недооценил степень обиды на меня Татьяны Николаевы.

«А из-за чего она на тебя обиделась?» – поинтересовалась Эльвира.

«Я слишком громко подумал, да?»

«Есть такое», – сообщил мне Валера.

Едва он это сказал, мы втроем переглянулись. Так легко общаться мыслеречью у нас получалось лишь после инициации кровавого союза и после ритуалов Магии Крови. Сейчас же мыслеречь шла еще проще и легче.

Отчего – от победной эйфории или от того, что мы с Эльвирой сейчас с заполненными энергией Источниками, а работа со стихийной силой усиливает ментальную связь?

«Думаю, второе», – произнесла царица.

Как оказалось, последнюю мысль я тоже слишком громко подумал.

«Так из-за чего Зорина именно на тебя обиделась?» – переспросил Валера.

«Действительно, это Валера же ее тогда уработал, а не ты», – добавила Эльвира, явно отправив ему шпильку.

«Некоторые обстоятельства того, как она согласилась нам помочь, так скажем», – обтекаемо пояснил я.

О том, где, когда и какими аргументами убедил Татьяну Николаевну помочь нам с гуркхами и сэром Галлахером попасть на Малую арену, я ни Валере, ни Эльвире не рассказывал. Как-то в череде следовавших после визита в Инферно событий не до того было.

В этот момент я вспомнил, как только что разбуженная и испуганная Татьяна Николаевна сидела на кровати, поджав под себя ноги и прикрываясь одной лишь простыней. Судя по эмоциям Валеры и Эльвиры, они тоже этот мыслеобраз увидели.

«И что такого? Брось, Артур. Она же этого долбака не к тебе, а к команде прислала», – пожала плечами Эльвира.

– Господин Орбакас? – практически мгновенно посмотрел на коллежского секретаря Валера.

Весь наш обмен мыслями, кстати, уложился буквально в доли секунды – разговор мыслеречью гораздо быстрее обычной беседы. Так что, переговариваясь, мы даже внимания не привлекали, настолько все быстро происходило.

– Да? – между тем резко, как галка, повернул голову коллежский секретарь к Валере.

– А вы, по замыслу Татьяны Николаевны, зачем нам нужны?

– Госпожа директор назначила меня личным ассистентом Артура Сергеевича ввиду того, что...

«Артур, а ты потом расскажешь все то, что и, самое главное, как ты это делал с нашим директором?» – уже мысленно обратился ко мне Валера, не слушая Орбакаса дальше.

«Артур, я тебя недооценила», – одновременно произнесла Эльвира. «Ты ее реально что ли потом...»

«Не было ничего такого. К тому же я потом случайно ее кота забрал, может из-за этого еще злится».

«Кстати, Артур», – это Эльвира.

«А где твой кот?» – это одновременно с ней Валера.

«А где твой художник?» – практически сразу же добавила вопрос и Эльвира.

«Ну... думаю, вы уже догадались где», – признал я очевидное.

«Ты отправил их предупредить Саманту Дуглас об опасности?»

«Да».

«Артур, мне кажется неправильным то, что ты не поставил нас в известность».

«Вы были бы против?»

«Нет», – ответила Эльвира.

Валера промолчал.

«Валер?»

«Нет».

«Нет и нет. Вот именно поэтому, не видел смысла грузить вас голову лишней информацией».

В этот момент, отвлекая, рядом раздался грохот. Синхронно обернувшись, мы увидели, как господин Орбакас машет руками. Коллежский секретарь только что в попытке отойти от стола зацепился за пол каблуком и свалил стул. А сейчас пытался назад, пытаясь победить гравитацию и не упасть.

– Н-нет, – негромко проговорил Валера.

Коллежский секретарь его не послушал – размахивая руками, господин Орбакас все же попытался схватиться за край соседнего стола, мимо которого уже пятился. Не нужно быть Астеротом, чтобы предугадать последствия – очередная порция разбитой посуды, испорченных блюд и настроения посетителей.

«Не в этот раз», – могла бы сказать Эльвира.

Но не сказала, а только сделала – быстро, но изящно вытянув руку, царевна заставила чужой стол отодвинуться на десяток сантиметров. Рука Дариуса схватила воздух, и он упал на пятую точку без нарушения гармонии окружающего пространства.

– До свидания, господин Орбакас, – между тем ангельским голосом произнесла Ольга. Коллежский секретарь заполошно закивал, суматошно поднялся и сначала снова попятился, а после развернулся и практически побежал в сторону выхода из зала.

Интересно, что ему Ольга сказала? За всей мыслеречью с Валерой и Эльвирой я как-то пропустил. И действительно ведь получилось – увидел я торопливо скрывшегося из ресторана коллежского секретаря.

Надо будет потом у Модеста или Наденьки поинтересоваться. Чувствую, подобный метод мне скоро может пригодиться.

– Артур, – отвлек меня Валера.

– А?

– Что за бутерброд?

– Какой бутерброд?

«Когда ты... – чуть покосился на Ольгу Валера. – Когда ты разговаривал недавно, ты упомянул ненужный тебе бутерброд...»

– Ну, тот бутерброд, который не был тебе нужен, – вслух продублировал Валера.

– А, ты про это. Это очень страшная и взрослая история, я не могу тебе сейчас ее рассказать.

– Тогда потом?

– Да. Потом. Может быть, после твоего второго совершеннолетия...

В ресторане засиделись хорошо. Можно сказать, душевно – собралась вся команда, все несколько десятков человек. Отмечали преодоление отборочного этапа. Причем отмечали спокойно и степенно – без каких-либо намеков на дух недавних посиделок в ресторане Стрельна. Лада тоже присутствовала – но она удивительно умная девушка, сегодня ко мне даже близко не подходила. И на произошедшее между нами недавно не намекала ни жестом, ни взглядом.

Как это часто бывает, большая компания разбилась на множество маленьких. Подавляющее большинство из сопровождающего нас состава вполне освоилось и веселилось без зажатости. Все же формально в собравшейся компании, кроме меня, не было ни одного аристократа. Эльвира Зарипова, Алина Нелидова, Валера Медведев – маски. Один я здесь настоящий представитель знати – Артур Волков, барон Делашапель, вписанный в 1-й раздел Дворянской родословной книги Российской Империи. Правда, титул у меня тоже на маске, но все же.

Поэтому атмосфера царила довольно демократичная. С Эльвирой и Валерой мы частенько переглядывались, теряя нить общих бесед. Ждали громких новостей с полей других стыковых матчей. Но громких новостей все не было.

Записи прямых трансляций – которые могли ответить на вопрос, если смотреть внимательно, пока были недоступны. Лезть в глубокую сеть сейчас и отсюда, чтобы найти нелегальные записи, слишком необдуманно, можно ненужные следы оставить. В доступных хайлайтах же намеков на то, что кто-то в ходе стыковых матчей погиб, не было. Поэтому совершенно неясно – случилась ли запланированная смерть или нет.

Засиделись почти до полуночи, после чего разошлись по номерам. Утром, как обычно, проснулся за минуту до звонка, в 04:29. Приняв душ, употребил армейский завтрак – брикеты с ароматизаторами, запил все это приторно-пластиковое дело чашкой чая.

Зоряны рядом нет, допускать к себе посторонних людей не хочется, а Ира телохранительница – просить ее организовать завтрак в корне неправильно. Заказать же заранее в кухне отеля я вчера, конечно же, забыл.

Хорошо еще, что вчера не забыл напечатать в принтере одежду, подходящую случаю. Так что, позавтракав, без спешки и суеты оделся в черный, с красными вставками костюм службы безопасности рода Юсуповых-Штейнберг.

Выходя из номера, на миг приостановился, оглядывая Иру. Индианка также уже была в костюме службы безопасности рода, в котором выглядит точь-в-точь как охотница на джедаев. Да и вообще обтягивающая униформа с красной окантовкой воротника и наплечников очень уж ей к лицу. И не только к лицу.

Бойцы группы Измайлова ожидали нас у машин, на площади перед отелем. Все, как и мы с Ирой, в черной с красным форме службы безопасности рода Юсуповых-Штейнберг.

Сам Измайлов в костюме подобном моему – он все же заместитель руководителя службы безопасности рода, а вот остальные бойцы с оружием и в бронекостюмах. Прямо элитные имперские штурмовики – осмотрел я их. Только по боевой эффективности означенным штурмовикам тысячи очков форы дадут.

Дальнейшие несколько часов дороги я провел в полудреме, изредка вставая и пересаживаясь – из микроавтобуса, который подвез нас прямо к трапу, в самолет, из самолета, опять же не покидая посадочную полосу, в конвертоплан. В приметной черно-красной раскраске, указывающей на принадлежность к роду Юсуповых-Штейнберг.

Машина была военно-транспортная, и иллюминаторы в салоне отсутствовали. Но на заменяющем интерактивном экране, создающем впечатление прозрачного борта, я хорошо наблюдал картинку бегущей снизу земли. Вскоре показался и логистический терминал Мокрый Батай.

Комплекс впечатлял размерами – на окрестных полях раскинулись расходящиеся на десятки сортировочных путей линии железной дороги, вдали виднелась взлетно-посадочная полоса с несколькими грузовыми бортами у перронов. Многочисленные складские здания, над которыми мы уже пролетали, их стоянки, вернее, были забиты фурами и автопоездами.

Посадочную площадку для высоких гостей логистического комплекса – расположенную неподалеку, находящийся за штурвалом поручик Файнзильберт проигнорировал. Он направил машину прямо к площади перед зданием административно-хозяйственной части, где уже собралась толпа не менее чем в пару сотен человек. Двести двадцать девять, если быть точным, – посмотрел я в управленческое меню рода. Доступа к которому – выданного еще озаренной Еленой Николаевной, меня так никто и не лишал.

Наше эффектное появление оказалось для бастующих серьезной неожиданностью. Собравшаяся толпа во время посадки конвертоплана подалась в стороны, как живой организм. По-моему, многие даже едва не разбежались от испуга. Было отчего – конвертоплан упал с неба с пронзительным свистом двигателей и грацией брошенного булыжника. Лишь на последнем десятке метров машина погасила скорость и мягко опустилась на асфальт, цепко проскрежетав металлическими посадочными лапами.

– А-атлична! – только и высказался я о приземлении. Хорошо еще дуги ручек кресла вовремя перехватил и носом с окружающим интерьером не поздоровался.

Произошедшее напомнило мне о том, что всегда – если хочешь, чтобы получилось хорошо, нужно держать происходящее на контроле. Файнзильберт, без сомнений, умеет водить летательные аппараты с плавностью вряд ли худшей, чем пилоты императорского летного отряда. Только ему необходимо было напомнить, что у нас не прелюдия к штурмовому десантированию на враждебной территории, а вполне обычная деловая рабочая поездка.

Судя по прозвучавшей почти сразу короткой реплике-комментарию Измайлова, штабс-капитан принял мое высказывание на свой счет. И я по его тону понял, что Файнзильберту

за подобное гарцевание будет хорошо накачено, так что о случившемся забыл, сосредоточившись на решении возникших проблем. Тем более что градуса напряженности наше появление добавило – собравшиеся явно испугались самых разных последствий.

Под многочисленными взглядами мы – я, неотлучно сопровождающая меня Ира и пять бойцов в бронекостюмах, попрыгали на бетон площади. Штабс-капитан задержался. «Да я всегда так делаю!» – успел услышать я оправдательный возглас Файнзильберта, который место пилота не покидал. Капитана я не расслышал, но по эху его эмоций, прорвавшегося даже через ментальную заглушку, ощутил – поручику явно сейчас прилетит так же эффектно, как он только что машину на площадь опустил.

Накамура и Семенов остались у конвертоплана, а мы – я, Ира и остальные трое бойцов, вместе с догнавшим чуть погодя Измайловым, двинулись к крыльцу администрации, где и происходило основное действо.

Время уже было 11:01. Стачка, по информации от Анастасии, была назначена на 11:00 – так что собраться все успели, но пока ничего по делу сказано не было. Мы прибыли вовремя. Как, впрочем, и планировалось.

Толпа разошлась перед нашей группой как Красное море перед Моисеем, ведущим к светлому будущему евреев. Прянули в сторону и несколько человек из администрации, которые до этого группой стояли напротив собравшейся толпы. Дойдя до крыльца, я поднялся на несколько ступеней и обернулся к настороженным работникам.

– Дамы и господа, здравствуйте, – приветствовал я всех, осматривая толпу горящим оранжевым пламенным отсветом взглядом.

Промолчать собравшиеся, первые их ряды, не решились. Ответом мне был негромкий и нестройный гул приветствий. Но очень настороженный – все же появления одаренного здесь явно никто не ожидал. Еще и Файнзильберт исполнил очень в тему – хорошо от рева двигателей на реверсе стекла в здании не повылетали.

Поздороваться со мной – поздоровались, но созданный опасливый настрой толпы контрпродуктивен, поэтому мне прямо сейчас нужно было собравшихся разговорить.

– Я Артур Волков, барон Делашапель. Представляю владеющий терминалом имперский род Юсуповых-Штейнберг и наделен всеми полномочиями для того, чтобы попробовать решить все возникшие у вас вопросы.

Вижу, вы немного насторожены. Будьте уверены, если бы я приехал решать вопрос кардинальными методами, разговаривать с вами бы даже не стал. На вот это вот все... – показал я на конвертоплан и сделал круговое движение рукой, подразумевая акустическую и психологическую атаку, – прошу не обращать внимания, мой пилот всегда так делает. Теперь внимательно всех слушаю и очень хочу узнать причину, по которой все мы здесь сегодня собрались.

Ответом мне, вполне ожидаемо, было тяжелое настороженное молчание.

– Прошу, – сделал я приглашающее движение рукой в сторону одного из людей в рабочей униформе в первой линии. Тот опять же ожидаемо смутился, но тут из задних рядов раздался первый робкий выкрик.

– Я слушаю, слушаю, – подбодрил я собравшихся, жестом показывая, что действительно слушаю и в ответ на претензии ни файерболами швыряться, ни отправлять бойцов винтить недовольных не собираюсь.

Почти сразу раздался второй выкрик. После третий, четвертый-пятый-шестой, и толпу прорвало. Десяток секунд, и воздух вокруг загудел многочисленными претензиями – суть которых сводилась к тому, что работать невозможно, этот директор и его команда не подходят, давайте следующих.

Теперь – разговарив собравшихся, необходимо было сделать так, чтобы они замолчали. Просить я не стал – плох тот командир, что отдает приказы, не будучи уверенным в их исполнении. Перекричать толпу непросто, да и делать я этого не собирался. Поднял руку, призы-

вая к вниманию, постоял так немного. Чуть погода скучающе отвел взгляд, рассматривая небо и фасад здания. Показывая, что уже никого не слушаю. Вернулся вниманием к собравшимся только тогда, когда наступила полная тишина.

– Коллеги, вас много, а если быть точным... – поднял я ассистант, посмотрев цифру, которую уже знал, – двести двадцать девять человек. Я один, и вести сразу со всеми беседу не получится. Сейчас я услышал много всего, но... практически ничего не понял, кроме естественного желания всеобщего счастья для всех и сразу.

Поэтому давайте сделаем так: сейчас я с... – вновь поднял я планшет ассистанта и посмотрел фамилию директора филиала, – с Геннадием Арнольдовичем направляюсь в его кабинет. Думаю, четверти часа мне хватит для того, чтобы ознакомиться с его видением происходящего здесь.

В ассистант, демонстрируя неполное владение информацией, смотрел специально. Этим жестом максимально давал понять, что «ребят, я здесь не местный и вообще не в курсе, что происходит». А то некоторые выхваченные мною из общего гомона претензии работников звучали так, словно я на этом терминале уже не первый год работаю и разбираюсь в происходящем вплоть до мелочей.

– Далее. После того как Геннадий Арнольдович введет меня в курс происходящего, к одиннадцати тридцати жду у кабинета директора представителей коллектива, максимум пятерых человек. Тех, кто может и хочет внятно объяснить суть претензий, заставивших вас остановить работу и устроить забастовку. Всем пятерым я готов дать личные гарантии о неувольнении в случае честной и открытой беседы. Беседы, во время начала которой остальные собравшиеся должны уже быть на рабочих местах и восстанавливать прерванные рабочие процессы.

Ожидаемо с задних рядов раздался недовольный гул, который я легко заглушил, повысив голос.

– Если выборных представителей в одиннадцать тридцать в кабинете я не увижу, никакого разговора не будет. Со всеми, кто к тому моменту не вернется к работе, службе персонала будет поручено инициировать процедуру разрыва трудовых договоров. Кроме этого, как вы знаете, на данном логистическом терминале проходят грузы, перемещаемые по контрактам с министерствами Российской Империи и Российской Конфедерации. Если готовых к диалогу выборных представителей от коллектива я через двадцать пять минут не увижу, буду считать все происходящее здесь умышленным саботажем и направлю все имеемые ресурсы на инициацию расследования произошедшего и судебного преследования как организаторов стачки, так и ее участников.

Выждав небольшую паузу, давая осмыслить услышанное, я повернулся к небольшой группе из администрации.

– Геннадий Арнольдович кто? – спросил я. – Ведите, – обернулся я к заметно нервничающему мужчине.

Правильно нервничает. Одно дело – решать возникающие вопросы в привычном поле, а другое – общаться со спустившимся с небес, в прямом и переносном смысле, одаренным. Формат работы компаний рода таков, что вряд ли кто из директоров вживую видел княгиню или ее доверенных лиц, общаясь только со специалистами управляющей компании или рекрутинговых агентств. Так что мое появление и для него неожиданность.

Впрочем, несмотря на растерянность, директор терминала суть проблем обозначил довольно емко. Вернее, свое их видение. Для меня же происходящее после его рассказа стало вполне понятно. Непонятным осталось только одно – действительно ли это засланец вражеской роду Юсуповых-Штейнберг партии, с целью разрушить производственные цепочки, либо просто управленец из породы «нам тут даже шпионов не нужно, своих посконных дураков хва-

тает». Нет, выглядел и говорил Геннадий Арнольдович так, что невольно любишься и проникаешься авторитетом его профессионализма, вот только было в этом одно но.

– Что, Артур Сергеевич, простите?

– Ах, я это вслух сказал?

– Да-да, я просто не расслышал.

– Красиво говорите, Геннадий Арнольдович. Только есть одна большая проблема.

– Какая, ваше благородие?

– Результат. Я же здесь не оттого, что пролетал мимо Мокрого Батая и от нечего делать мне апельсиновый сок в голову ударил и я решил у вас в кабинете еще и кофе попить. Нет, я здесь потому, что работа терминала остановлена, а рабочие бастуют. В остальном – хоть тысячи слов оправданий можете сказать, никому это уже не интересно.

– Но...

– Еще раз: не интересно. У вас, кстати, секретарша делает замечательный кофе. Попрошите ее сделать... сколько там выборщиков пришло, пусть столько и сделает. Позовите их сюда, а сами, будьте любезны, подождите...

В приемной ждать оставлять его нельзя, прямой урон авторитету – не ему, как директору, а самой, как это в моем мире как-то говорилося, «социальной группе топ-менеджеров». Здесь его тоже оставлять нельзя, тогда с выборщиками конструктивного диалога не получится.

– ...не знаю где подождите, только не в приемной. Хотя, знаете, соберите, наверное, совещание со своими руководителями и срочно подготовьте мне развернутый доклад по причинам возникновения стачки. И обязательно укажите фамилии, на ваш взгляд, за это ответственных.

– Но, ваше благородие...

– У каждой чрезвычайной ситуации есть имя и фамилия, Геннадий Арнольдович. Я хочу их знать. А теперь не задерживайте меня, пожалуйста, зовите делегатов.

Выборщиков пришло пятеро, все в разного цвета форме. Я еще на площади заметил, что у собравшихся рабочих и специалистов одинаковые по крою костюмы, но разной расцветки. Совсем как разный цвет жилетов и униформы подразделений палубной команды авианосца.

Видимо, на беседу со мной выбирали людей от каждого подразделения и департамента. Мне, впрочем, происходящее было уже не интересно. Задачу я выполнил, работа восстановилась. Оставалось лишь не теряя концентрации и внимания выслушать претензии и убедить явившихся, что их забастовка состоялась не зря.

Правда, сразу беседа не заладилась – говорить откровенно делегаты опасались, так что пришлось даже отправить Иру подождать в приемную и еще раз дать гарантии о неувольнении.

– Так, – в какой-то момент даже поднял я руку, останавливая немного сбивчивые претензии. – Давайте по-честному. Вам здесь жить, а я приехал и уехал. Но след оставляю. И чтобы вы понимали новую реальность, сразу обозначу, какой след.

Первое: Геннадий Арнольдович больше здесь работать не будет. Неделя, две, максимум месяц – я надеюсь, он профессионал и сдаст дела без эксцессов. Но уже вчера, если не раньше, начались поиски кризисного управленца, который придет подчищать за ним хвосты и забирать бразды управления терминалом до момента назначения нового директора.

Второе: кризисный управленец должен будет получить от меня список ваших претензий к организации работы, с которым начнет в одну из первых очередей работать. И чем этот список будет полнее и актуальнее, тем лучше вы здесь будете жить. Потому что по итогам работы по списку этих претензий я с кризисного управленца спрошу, и как он справился с проблемами, прямо отразится на оплате его деятельности. Это всё понятно? Отлично. Тогда давайте по одному.

На общение с выборными делегатами потратил больше часа. Расстались довольные друг другом. Со всеми я сфотографировался на память, а двоим по просьбе еще и оставил цифровые автографы для детей – тоже в вирт-Арену гоняют.

После окончания беседы в администрации не задерживался – еще во время разговора с делегатами на ассистант пришло уведомление, что в Мокрый Батай скоро прибудет Михаил Сергеевич Власов, и княгиня просит меня отобедать с ним. Сообщение, мягко говоря, мне не очень понравилось. Потому что получается, что и без меня можно было вопрос решить.

«Я вам что, мальчик, что ли, туда-сюда гонзать?» – вполне справедливо возмутился внутренний голос.

Тем не менее, несмотря на раздражение, в просьбе Анне Николаевне отказывать не стал. Еще и время обеда как раз. К тому же именно с Власовым мне побеседовать стоит – я как-никак наместник его рода. Да и просто с ним пообщаться будет интересно – вопросов накопилось достаточно.

С местом проблем тоже не было – оказалось, неподалеку расположилась также принадлежащая роду база отдыха, на которой проводили досуг работники терминала. И уездных, как и губернских, чиновников, судя по описанию в управленческом меню, сюда тоже приглашали.

Несколько минут полета на конвертоплане, и вскоре мы приземлились в живописном месте, выделяющемся на фоне окрестных степей. На высоком холме среди низких сосен расположились красивые деревянные дома, кажущаяся простота которых только подчеркивала тщательную работу архитектурного бюро. С высоты открывался живописный вид – на близкую ленту неширокого притока величественно раскинувшегося вдали широкого Дона.

На посадочной площадке элитной, «господской» части базы отдыха уже стоял черно-красный конвертоплан рода Юсуповых-Штейнберг. Двойник того, на котором прилетели мы с группой Измайлова. Здесь же встретили неожиданного знакомого – у машины нас ждал поручик Садыков, собственной персоной.

Измайлов и его бойцы задержались пообщаться с сослуживцем, оставшимся вместе с княгиней в Елисаветграде, я в сопровождении Иры прошел в самый настоящий княжеский терем. И в небольшом приватном зале, куда меня проводил администратор, ожидал сюрприз: обещанного княгиней Власова здесь не было.

– Привет, – едва я вошел в помещение, поднялась из-за стола Анастасия.

– Привет, – с интересом осмотрев княжну, поздоровался я.

Осматривать было что, да и удивляться тоже. Наряд девушки выглядел неожиданным – такой же, как у меня, черно-красный костюм службы безопасности княжеского рода. Только костюм простой, без знаков различий. Инкогнито здесь? Да наверняка.

Глаза у Анастасии, кстати, не сияли ультрамарином – вполне обычные сейчас, человеческие, пусть и глубокого голубого цвета. Сама без грамма косметики, черные как смоль волосы стянуты в хвост, как обычно она делает во время тренировок.

– Власов?

– В Высоком Граде.

– В Высоком Граде? – машинально удивился я.

Анастасия только пожала плечами, в расспросы же я углубляться не стал.

– Эта... ситуация на терминале... случаем не специально спланирована для нашей встречи? – поинтересовался я у княжны.

– Эта ситуация, скажем так, – еще раз пожала плечами княжна, – специально не пестовалась, но назревала давно. Пришлось подтолкнуть немного, да, но вообще эта стачка как повод прихлась как нельзя кстати.

– И первоочередная цель – это наша с тобой встреча.

– Именно так. Ты голоден?

– Ну... – прислушался я к себе. – Если срочности нет, я бы сначала пообедал.

– Прошу, – улыбнулась княжна, присаживаясь.

После того как я отослал Иру и мы с княжной пообедали – без особой спешки, но и не рассиживаясь, Анастасия сама убрала со стола. Под белоснежной скатертью оказалась рабо-

чая поверхность управленческого терминала, на котором после пары движений княжны возникла объемная карта Юга России.

Знакомая картина. Только привычные (Олегу) очертания Волынского протектората и присоединенного к нему Галицкого больше не были серо-стального цвета. Обе бывшие территории сейчас обозначались синим цветом и назывались Галицко-Волынским княжеством, со столицей во Львове.

Кроме этого, часть территорий входящей в Конфедерацию Вольницы оказались подкрашены синевой; какие-то регионы и вовсе имели яркую синюю обводку. Земли кланов Юсуповых и Разумовских, которые объединились в создании нового княжества, понял я. Нового княжества, сразу ставшего очень серьезным игроком на карте Восточной Европы.

Среди всего зелено-синего моря горели несколько одиноких золотых кружков – вольные города-полисы, по типу Кобриня. И – что оказалось для меня неожиданно, вольный статус приобрел и Высокий Град. Надо же, не ожидал такой перемены для «родного» города. Но главное на карте все же было в центре. Красный одинокий кружок – Елисаветград. На него и показала Анастасия.

– Предположу, что ты не в курсе последних наших новостей?

– Честно скажу, дел было много и не интересовался плотно. Так что давай лучше поподробнее и с самого начала.

– Когда Анна Николаевна вышла из рода...

– ...? – даже не нашелся я, что сказать.

– ...? – вернула мне взгляд и эмоции Анастасия.

– У меня действительно было много дел, очень важных.

– Угу. Ресторан Стрельна, желтые феррари... – покивала Анастасия.

– Послушай меня, пожалуйста.

– Слушаю, – даже поджала губы явно всерьез обидевшаяся Анастасия. Ну, или она прекрасная актриса.

– У меня. Действительно. Было много важных дел. Это факт, а не попытка оправдаться. У тебя есть вариант мне поверить или сделать шаг к тому, чтобы навсегда закрыть вопрос возможности наших доверительных отношений.

– Прости. Я поверю, – увела взгляд в сторону Анастасия.

– Я рад. Итак, с самого начала.

– Анна Николаевна вышла из рода, и сейчас она глава клана Штейнберг.

– Ты?

– Я теперь глава рода Юсуповых-Штейнберг.

– Почему меня об этом не оповестили? Если бы я принял наследство, прав у меня больше, чем у тебя.

– Ты бы принял наследство?

– Нет, но это к делу не относится.

– Тебя оповестили.

– Серьезно?

– Теперь я еще больше верю, что у тебя действительно было много дел. Посмотри почту – где-то в ее повале должно быть больше десяти сообщений, плюс я пыталась связаться с тобой через Фридмана. Не просто же так вчера позвонила, а не сообщение написала.

Договорив, княжна (или уже юная княгиня?) внимательно на меня смотрела, словно ожидая вопроса: «А почему тогда не позвонила?»

Спрашивать не стал, потому что и так понятно почему – во время тренировок с Николаевым я иногда по несколько суток не был в доступности.

– Прости, я был не прав, – когда действительно не прав, мне совсем не сложно об этом сказать.

– Приятно, что не я одна совершила сегодня ошибку, – даже немного застенчиво улыбнулась Анастасия, но сразу вернула себе деловой вид: – Итак, как ты теперь знаешь, Анна Николаевна возглавила новосозданный национальный клан Штейнберг и приняла на себя бремя правителя города. Сразу же ею был направлен запрос в ООН на предоставление Елисаветграду Нового Магдебургского права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.